

18+

Владимир Тормышов

**БИБЛИЯ ДЛЯ
РУССКИХ КОТОВ
ОТ ДЕМИУРГА,
КОТА ЧЁРНОГО**

Владимир Тормышов

**Библия для русских котов
от демиурга, кота Чёрного**

«Издательские решения»

Тормышов В.

Библия для русских котов от демиурга, кота Чёрного /
В. Тормышов — «Издательские решения»,

Купил коту Библию. Теперь он требует жертвенных «Вискас»
ровно в полночь, иначе грозит обрушить на тапки десять казней
египетских. Священное писание от демиурга Чёрного объясняет мир
правильно: мыши — это кара небесная за лень хозяина, пылесос — Левиафан,
а балкон — чистилище для размышлений о бренности колбасы. Внутри есть
псалмы против ветеринара и заповедь про запретный пакет. Читать строго
после еды, желательно с умным видом на клавиатуре.

Содержание

Библия для русских котов от демиурга, кота Чёрного	6
Аннотация	7
Шива	8
Манна	10
Счастье	13
Еще раз о динозаврах	15
Еврей	17
Ёжик	19
Письмо	21
Маруся	23
Любовь демиурга	25
Сарделька	27
Вера	29
Рай	31
Двуречки	40
Кризис кота	42
Кто писал Библию	44
Совет рая	49
Третья неделя запоя	51
Третий том Библии	54
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Библия для русских котов от демиурга, кота Чёрного

Владимир Тормышов

© Владимир Тормышов, 2026

ISBN 978-5-0071-1285-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Библия для русских котов от демиурга, кота Чёрного

Краткое содержание 1 книги («**Знакомьтесь, просто демиург. Кот Черный**») Библии для котов:

Демиург кот Чёрный любит всех. Кроме тех, кого убил молнией, утопил или сжёг.

Краткое содержание 2 книги **«Библии для русских котов от демиурга, кота Чёрного»**:

— Бог создал русских.

— Демиург кот Чёрный любит всех. Кроме тех, кого убил молнией, утопил или сжёг.

— Бог любит спать.

Перед вами мемуары Кота по кличке Черный. Он создал Вселенную из праха и пыли под диваном.

Зачем люди? Чтобы открывать консервы и кормить котов. Зачем динозавры? Для масштаба интерьера. Почему именно русские? Потому что было скучно.

Узнайте:

— Как сорвать наступление вермахта божественным отрядом мышей.

— Почему ангелы — это просто коты с крыльями, которые умеют открывать двери.

— И главное: как правильно смотреть на человечество, чтобы оно чувствовало себя винным без единого слова.

Осторожно: книга вызывает острое желание вылизать шерсть и презреть работу.

Аннотация

Если вы думаете, что мир создали скучные люди в сандалиях и борода у них росли просто так, вы сильно ошибаетесь. На самом деле всё началось с того, что одному Демиургу по кличке Чёрный надоело спать на холодной клавиатуре.

Это не та Библия, где нужно подставлять вторую щеку. У нас тут суровый Ветхий Завет подъездных разборок.

— **Глава «Исход».** Как правильно орать дурным голосом под закрытой дверью туалета, чтобы язычники (хозяева) пали ниц и открыли проход. Спойлер: Моисей просто умел делать жалобные глаза.

— **Заповеди.** Их всего три. 1. Не смей трогать мой корм. 2. Я сказал, не трогай мою коробку. 3. Если я сплю на твоих документах — это воля свыше, смирись.

— **Чудеса.** Превращение воды в валерьянку одним ударом лапы. Хождение по воде (актуально для мокрых лап после лотка). И главное чудо — воскрешение пульта от телевизора из-под дивана.

Внутри вас ждут практические советы:

— Как проводить обряд экзорцизма над пылесосом-архидемоном.

— Почему собака — это ошибка компиляции, которую забыли удалить из релиза.

— Тайна Благовещения: как сделать вид, что ты принесдохлую мышь в дар, хотя ты просто не смог ее нормально спрятать под половик.

Книга написана тяжелым слогом очень сонного божества. Читать рекомендуется лежа на авторе. В конце каждой главы предусмотрен перерыв на умывание длительностью в сорок минут. Аминь. Точнее, Мяу.

Шива

Демиург кот Чёрный сидел на вершине Эвереста. Не потому, что это самая высокая точка планеты, а потому, что оттуда лучше всего ловит вай-фай соседней галактики. Кот листал «Википедию» индуизма и тихо офигел от хохота.

— Нет, вы посмотрите на это, — мурлыкал он, пуская вибриссы по ветру. — Они называют его Шива. Разрушитель миров. Космический танцор.

Кот увеличил картинку. На экране застыл синий многорукий мужик с очень странной прической.

— Какой разрушитель, — фыркнул Чёрный, выпустив когти прямо в вечные снега. — Это же идеальный проект чесательного станка! Кому еще могло прийти в голову снабдить верховное божество таким количеством сервисных зон?

Для кота история мироздания выглядела иначе. Давным-давно, когда старый демиург Брахма только-только размешивал первичный бульон, кастинг на роль Бога-Творца провалился.

Конкурс был открытым, но кандидаты оказались так себе: один всё время молчал, второй слишком громко дышал огнем.

Тогда Великий Совет Кошачьих решил делегировать своего представителя.

Прототип собрали из подручных материалов: добавили синей краски для солидности (чтобы не перепутали с дворовым Васькой), третью глазу во лбу — чтобы видел, кто спрятал пакет с кормом за диваном, и начали навешивать функционал.

1. Верхняя левая рука. Держит пламя.

— Баловство, — комментирует кот Чёрный, потягиваясь. — Но полезное. Вечером, когда спина затекает от сна на клавиатуре, можно сесть к нему спиной и греть почки. У нас, у котов, радикулит — профессиональное заболевание. Назвали бы его честно: «Божественный радиатор».

2. Верхняя правая рука. С трезубцем.

— Идеальная чесалка для подбородка, — кивает кот. — Угол наклона сорок пять градусов. Трезубец называется тришула. Ага, как же. Мы просто не смогли придумать, как сделать три пальца нужной длины.

Решили сэкономить на металле. Если нажать посильнее между зубцами, получается отличный массаж десен. Главное, чтобы этот синий не дергался, когда ты пытаешься выковырять застрявшую там птицу.

3. Нижняя правая рука. Поднята в жесте «не бойся».

— Смешно, — хмыкает Черный. — Вы думаете, он вас благословляет? Он просто просит не мешать. Попробуйте погладить кота, который поймал точку от лазерной указки. Он тоже поднимет лапу. Это не благословение. Это предохранитель.

«Не бойся, двуногий, я сейчас занят делом, если сунешь руку — останешься без пальцев».

4. Змея на шее.

— Ошейник, — отрезает кот. — Просто мы тогда еще не освоили технологию нейлона и пластиковых пряжек. Пришлось использовать гадюку. Она теплая, живая и иногда пытается тебя душить, если ты забыл её покормить. Ничего не напоминает? Обычный утренний будильник. Только вместо кнопки «Отложить» приходится гладить ей нос.

5. Волосы.

Грива Шивы, где запуталась Ганга и сидит полумесяц, вызывает у кота приступ священного трепета.

— Это же джекпот, — благоговейно шепчет Чёрный. — Спутанная колтунами шерсть старого помойного барса. Там внутри можно построить двухэтажную нору, вывести блох трех поколений и умереть от счастья.

Полумесяц они туда воткнули для маскировки, чтобы люди не догадались. Типа «это символ женского начала», ага. Это просто серебряная подвеска со стразами, которую сорвали с чьей-то бабушки. Мы любим блестящее.

6. Танец Тандава.

Когда Шива начинает танцевать и трясти космос, ученые ищут в этом метафору расширения Вселенной.

— Какое расширение, — давится смехом кот. — Вы пробовали наступить хвостом на оголенный провод? Вот это и есть танец Тандава.

Это экстренная конвульсивная терапия. Кто-то сверху случайно придавил ему гениталии небесной твердью, и теперь бедолага скачет козлом, пытаясь восстановить кровообращение. А все эти вращающиеся кольца огня вокруг него — это просто разлетающаяся перхоть.

Демиург кот Чёрный перевернулся на спину, подставляя звездному свету белое пузо.

— И самое гениальное, — протянул он, жмурясь. — Имя. Шива. Они думают, это значит «Благой». Да ничего подобного! Это сокращенное «Ш-ш-ш... Ва-а-а...». Фаза максимального расслабления шейных позвонков.

Кот лениво махнул лапой.

Где-то внизу, в индийском штате Керала, тысячи паломников упали ниц перед статуей.

— Чего разлеглись? — проворчал Чёрный, даже не глядя вниз. — Несите уже валерьянку своему синему идолу. У него после вчерашнего разрушения асуров сушняк и шея чешется. Небось, змея опять сбежать пыталась. Дилетанты. Настоящего бога нужно чесать строго за ушами, а не плясать перед ним с колокольчиками. Пойду Арджуну проверю, у того лук красивый, тетиву точить можно.

Манна

Черный спал.

Он лежал на самой теплой из туманностей, подложив под морду хвост, пахнувший озоном и пустотой.

Ему снилась Великая Охота в садах Эдема, где мыши были сотканы из лунного света, а их визг звучал как хрустальный перезвон. Но даже во сне ему было невыносимо скучно. Скучно так, как бывает только демиургам в четверг после полудня, когда все миры уже созданы, звезды зажжены, а главные грехи человечества давно запатентованы.

Люди внизу копошились мелко и суетливо. Они тратили половину своих коротких жизней на то, чтобы не умереть с голоду. Это выглядело презабавно: они вспахивали землю, убивали друг друга за кусок солонины, молились высохшим богам о дожде для пшеницы. Вся их поэзия, войны и архитектура строились исключительно вокруг желудка.

«Как утомительно», — подумал Черный, не открывая глаз. — «Пусть едят всегда».

И он выдохнул. Не пламя, не тьму, а просто легкий вздох абсолютной сытости. Прямо в стратосферу Земли.

С неба посыпалась манна.

Она не падала комьями или камнями. Она опускалась мягко, словно тополиный пух в июне, заполняя собой долины, города, океаны и голодные рты. Бесконечная еда. Идеальная пища. Дар небес.

Черному стало любопытно. Он приоткрыл один желтый глаз, похожий на сверхновую, и посмотрел вниз.

Первый день был великолепен. Люди вывалили на улицы. Они ловили белые хлопья губами, смеялись, плакали от счастья. Конец голода! Конец неравенству! Хрустящая корочка капитализма осыпалась прахом вместе с биржами Уолл-стрит. Зачем работать? Зачем воевать? В небе висит бесплатная, бесконечная закуска. Дети лепили из нее снежных баб, которые тут же сами собой съедались под восторженный смех. Поэты писали оды вкусу этого чуда... хотя со вкусом выходила странная заминка.

Прошла неделя. Черный перевернулся на другой бок, подставляя спину лучам остывающего квазара. Что-то пошло не так. Запах снизу изменился. Вместо аромата жареного хлеба, специй и страха запахло вселенской, застойной меланхолией.

На второй месяц человечество поняло природу дара. Манна была совершенством. Абсолютным, стерильным, математическим идеалом. Она содержала в себе ровно столько белков, жиров и углеводов, сколько требовалось организму. Она полностью усваивалась, не оставляя отходов. Она никогда не портилась. И она была абсолютно, чудовищно, непроходимо безвкусной.

Нет, это слово слишком слабое. У нее был вкус. Вкус всего сразу и ничего одновременно.

Представьте себе дистиллированную воду, которой дали попробовать пережаренную подошву, мокрый картон, пыль из-под кровати старого библиотекаря и легкое послевкусие разочарования. Она была преснее тишины. Преснее чистого листа бумаги. Преснее взгляда мертвой рыбы.

Сначала люди пытались ее улучшить. Они варили манну — вода становилась мутной, а вкус не менялся. Они ее жарили — воздух наполнялся запахом нагретого мела. Они добавляли соль, но соль проходила сквозь белую субстанцию, как сквозь дыру, оседая на языке одинокими кристаллами отчаяния. Они смешивали ее с вином — вино теряло градус и смысл жизни, превращаясь в кислый компот.

Голод ушел. Пришла тошнота.

Черный сел и свесил лапу с края галактики. Он смотрел, как меняется психология вида.

Зачем строить соборы, если шпиль упрется в слой вечно падающей еды? Зачем писать симфонии, если музыка требует энергии, которую теперь можно получить, просто открыв рот и постояв пять минут под снегопадом из пенопласта? Зачем заниматься любовью, если либидо первым сбежало от такой диеты?

Люди перестали разговаривать. Разговор требует калорий, а главное — эмоций. О чем спорить, если самая страшная война — битва за рецепт борща — невозможна? Борщ нельзя сварить из того, что по вкусу напоминает сухой гипс. Семейные ужины превратились в молчаливые посиделки. Члены семьи сидели за столами, глядя на горы идеальной, белой, тошнотворной массы в своих тарелках, и медленно жевали. Жевали часами. Жевание давало хоть какую-то иллюзию деятельности. Процесс напоминал работу мельничных жерновов, перемалывающих саму суть бытия в муку забвения.

Поэты больше не писали стихов. Самый великий поэт эпохи Абсолюта вышел на площадь, съел щепотку манны, попытался найти метафору для этого чувства и онемел навсегда. Его последним стихотворением стал пустой лист, приколотый к груди.

Художники сходили с ума, пытаясь написать картину белого цвета на белом холсте. Искусство умерло, потому что искусство рождается из нехватки, а нехватки больше не существовало. Даже смерть стала какой-то невнятной: души уходили на тот свет, пошатываясь от переизбытка скуки.

К третьей тысяче лет цивилизации Земля превратилась в планету жующих зомби. Они построили конвейеры, чтобы собирать падающую манну в аккуратные брикеты и складировать их в музеях, которые раньше назывались храмами. Они начали ненавидеть небо. Каждый белый хлопок, падавший на язык, был плевром бога в душу.

Черному надоело. Демиург-Кот потянулся, разминая затекшие суставы темной материи. Спать расхотелось окончательно. Творец соскучился по хорошей драме.

Он бесшумно прыгнул с небес прямо на крышу Собора Парижской Богоматери, который наполовину утонул в залежах несъеденной до конца манны. Кот был огромен, черен, и его шерсть впитывала весь оставшийся в мире цвет.

Внизу, на площади, стоял человек. Последний гурман планеты. Его звали Жан-Пьер, и он был безумен. Пока остальные механически двигали челюстями, Жан-Пьер сидел над крошечной горсткой манны уже сорок лет.

— Я найду тебя, — шептал он белой пылью. — Ты обманываешь меня. Где-то внутри этой пустоты спрятан взрыв. Трюфель. Перец чили. Кровь. Просто нужно правильно прожевать. Нужно вложить в этот кусок всю память о материнском супе...

Жан-Пьер положил крупицу манны на язык. Закрыв глаза. Начал жевать. Медленно. Так медленно, что время вокруг него начало сворачиваться в спираль. Он вкладывал в это движение всю свою ностальгию, всю боль утраченных рецептов, всю тоску по чесночному хлебу.

Черный наклонил голову. Желтый вертикальный зрачок впился в безумца.

И тогда это случилось. Там, на кончике языка Жан-Пьера, белая безвкусная масса дрогнула. Она сопротивлялась целую секунду. А потом сдалась. Потому что человеческая тоска оказалась сильнее законов физики. Манна приняла форму вкуса.

Это был самый невероятный вкус во вселенной. Вкус первого поцелуя. Вкус дождя в детстве. Вкус горячего пирога с грибами, который достают из русской печи морозным утром. Вкус победы. Вкус слез. Манна рыдала, отдавая этому человеку всё, чего у нее никогда не было, имитируя Бога через призму человеческого голода.

Лицо Жан-Пьера вспыхнуло экстазом. Он проглотил эту единственную крупицу и рухнул замертво. Сердце старика не выдержало такого концентрированного счастья. Он умер сытым впервые в жизни.

Черный облизнулся. Шерсть на его загривке встала дыбом от удовольствия.

Кот снова поднял морду к небу. Он не стал отменять свое проклятие. Пусть падает. Пусть будет бесконечной.

Но теперь каждый кусок этой божественной жвачки ждал своего мученика. Теперь миллиарды людей каждое утро смотрели на белый снегопад с ужасом и тайной надеждой. Они знали, что еда перед ними — это чистый химический кошмар. Но они также видели, как умер Жан-Пьер.

И они начинали жевать. Медленно. Мучительно. Превращая процесс поглощения пищи в религию. В поиск черной кошки в темной комнате, которой там нет. Они вкладывали в каждую ложку свои мечты, лишь бы обмануть рецепторы. Человечество снова обрело Цель. Скука ушла, оставив место для великой, безнадежной Кулинарной Мистерии.

Черный удовлетворенно дернул кончиком хвоста, рассыпав по космосу несколько новых звезд. Облизал усы, пахнущие теперь корицей и дымом. И свернулся клубком на краю реальности.

Теперь спектакль обещал быть долгим. И очень, очень аппетитным.

Счастье

Чёрный спал.

Он лежал на самом краю Млечного Пути — там, где кончается звездная пыль и начинается пустота. Его хвост лениво постукивал по туманностям, отбивая ритм вечной скуки.

Люди внизу были забавны: они постоянно куда-то спешили, что-то искали, чего-то боялись. Они тратили жизнь в погоне за призраками, которые называли «счастьем». Это было похоже на охоту за мышью, которая существует только в воображении.

«Пусть будет», — подумал Чёрный, не открывая глаз.

И счастье появилось. Оно пришло мгновенно, как удар током. Люди проснулись счастливыми. Не просто улыбающимися или довольными, а абсолютно, до дрожи в коленях счастливыми. Их лица расплылись в блаженных гримасах, глаза остекленели от эйфории.

Кот приоткрыл один желтый зрачок и с интересом наблюдал.

В первый день люди перестали работать.

Зачем?

Счастье уже здесь! Офисные клерки сидели у мониторов с застывшими улыбками, забывая нажимать клавиши. Хирурги бросали скальпель прямо во время операции, потому что им стало так хорошо, что рука больше не слушалась. Дети забыли про игрушки, уставившись в одну точку.

На второй день исчезла еда. Кто станет готовить, если ты счастлив настолько, что даже голод кажется приятным ощущением?

А потом начались странности.

Счастливые стали собираться в группы. Сначала это напоминало молчаливые пикники под солнцем. Но вскоре их тела начали меняться. В состоянии абсолютного счастья людям перестало быть важно, кто перед ними — друг, враг или случайный прохожий. Гормоны радости переплавляли границы личности.

Они сливались. Буквально.

Сначала кожа двух людей соприкасалась, и между ней возникала тонкая радужная пленка. Затем пленки соединялись, образуя единое тело. К концу недели города заполнили гигантские аморфные существа из переплетённых рук, ног и лиц. Эти многоголовые создания медленно ползли по улицам, напевая беззвучную песню восторга.

Чёрному стало любопытно. Он подошел поближе.

— Что вы чувствуете? — спросил он, касаясь лапой одного такого конгломерата.

— Мы едины! — пропело существо сотней голосов одновременно. — Мы нашли совершенство!

Но Кот заметил подвох. Внутри этого огромного клубка тел некоторые части двигались иначе. Пальцы пытались сжаться в кулак, но не могли. Рот пытался произнести слово «нет», но вместо него рождался лишь вздох удовольствия.

Это был не поиск счастья. Это была его ловушка, которая сначала дарит кайф, а затем растворяет личность.

Человечество превратилось в огромную биомассу, неспособную ни мыслить, ни действовать. Мир замер. Электричество закончилось, вода испарилась, но никто этого не замечал. Существам было слишком хорошо для того, чтобы страдать от жажды.

Чёрный задумчиво потянулся.

Демиург понял свою ошибку. Создав идеальную цель, он лишил человечество пути. А путь всегда важнее точки прибытия. Без борьбы, без поиска, без боли нет и самой жизни. Идеальное счастье оказалось идеальной смертью.

Кот выпустил коготь размером с астероид и провел им по небосводу. Звезды задрожали, реальность дрогнула.

Радужные пленки лопнули, словно мыльные пузыри. Тела разъединились, возвращаясь в привычные формы. На лицах людей снова появились морщины, сомнения и слезы.

Когда последний человек пришел в себя, он увидел над собой кошачьи желтые глаза.

— Ты создал нас несчастными, — прошептал человек. — Почему?

— Я вернул вам свободу выбора, — ответил Черный, устраиваясь поудобнее. — И право искать. Потому что счастье — это не состояние, а движение. Тот, кто нашел его навсегда, перестает жить.

И демиург-Кот закрыл глаза, удовлетворенно мурлыкнул. Теперь ему точно не будет скучно наблюдать за тем, как эти маленькие двуногие существа будут бесконечно изобретать велосипеды своего несовершенства.

Еще раз о динозаврах

У любого нормального творца есть папка «Черновики».

Там лежат мертвые души, не взлетевшие стартапы и рецепты салатов с майонезом на кефире.

У Демиурга кота Чёрного эта папка называется «Мезозой. gar».

Всё началось в пятницу вечером. Кот только что закончил верстку водорода и думал, чем заняться на выходных. Смотреть на пустоту было скучно даже ему.

— Надо сделать красиво, — подумал Кот, почесав за ухом задней лапой. — Чтобы масштабно. И чтобы бегало. И чавкало.

Он взял базовый движок рептилий (версия 0.9, альфа), прикрутил к нему модуль «Жрать всё» и запустил рендеринг.

За ночь серверная нагрелась так, что вскипел чайник у архангела Гавриила этажом ниже.

Утром Кот посмотрел на результат и присвистнул.

По шарикуносам носились твари размером с панельный дом.

Бронтозавры топали так, что сыпалась побелка со сводов небесных.

Тираннозавры имели такую харизму, что им можно было избираться в президенты без предвыборной программы. Птеродактили гадили на свежесозданные пальмы с точностью снайперов.

Кот сидел на кучевом облаке, пил валерьянку и млеял от собственного гения. Это был пик его карьеры. Абсолютный оверкилл.

Проблема пришла откуда не ждали — из бухгалтерии. Прибежал мелкий херувим-ревизор, весь в поту и счетах.

— Владыка! — кричит. — У нас перерасход по белковой массе! Эти ваши диплодоки жрут листву быстрее, чем мы её фотосинтезируем! Углеродный след одной левой ноги стегозавра превышает выбросы всей будущей промышленности Китая! Плюс они метят территорию прямо на Райские кущи, яблони уже желтеют!

— Нормально, — лениво муркнул Кот. — Это экосистема. Пусть будет дикий запад.

— Какой запад?! — завизжал ревизор. — Они размножаются в геометрической прогрессии! Через неделю нам не хватит гравитации, чтобы удерживать кору планеты! Она треснет! И вообще, Михаил жалуется, что птеродактиль украл у него нимб, думает, это блестящая игрушка для их детенышей!

Кот понял, что проект выходит из-под контроля. Масштабно получилось слишком буквально.

Нужно было делать откат системы. Но кнопка «Delete» была заблокирована протоколами безопасности: нельзя просто так стереть миллиарды тонн успешно скомпилированного мяса, иначе во вселенной останется запах паленой резины и нарушенный баланс азота.

Пришлось устраивать глобальный краш-тест.

Кот вызвал главного тестировщика — астероид.

— Чикай, — сказал он. — Прямо по Йемену. Или где там сейчас Аргентина. Только аккуратно, мне плитку класть еще.

Астероид вошел в атмосферу.

Динозавры подняли головы, увидели летящую звезду смерти и впервые в истории планеты синхронно подумали: «Кажется, драйвера на видеокарту встали криво».

Бум.

Синий экран смерти мезозоя. Резет. Перезагрузка биосферы.

Когда пыль осела, Кот вышел на балкон оценить ущерб. Ландшафт напоминал парковку после рок-фестиваля.

— Так, — пробормотал Демиург, закуривая космическую трубку. — Теперь надо быстро замести следы, пока высшее руководство не увидело смету на этот зоопарк.

И он начал скрывать улики гениально, как студент, прячущий шпаргалки перед экзаменом:

Он засунул кости бронтозавров глубоко под землю, залил сверху бетоном (который потом люди назовут известняком) и поставил табличку «Геологический слой. Руками не трогать».

Историю с падением астероида он оформил как «плановый метеоритный дождь для удобрения почвы», а в логах сервера записал:

«Исправлена ошибка переполнения стека памяти крупными объектами».

Всех выживших мелких ящериц он заставил подписать договор о неразглашении (НДА).

Сказал: «Будете сидеть под камнями, молчать в тряпочку и называться словом „геккон“». Кто пикнет про дядю Ти Рекса — лишу хвоста навсегда».

А когда пришли первые люди-археологи и начали копать, Кот лично спускался по ночам и перекладывал берцовую кость диплодока к черепу саблезубого хомяка, чтобы запутать следствие.

— Пусть думают, что это древние курицы-мутанты, — хихикал он, пряча гигантский зуб в карман лабораторного халата профессора.

Теперь вы понимаете, почему палеонтология такая нервная наука.

Люди находят кусок челюсти весом в тонну и чешут репу: «Наверное, это древний крокодил, который ел гранит».

Нет, ребята.

Это просто забытый черновик Кота Чёрного.

Он тогда перебрал с масштабом объектов, испугался штрафа за нарушение экологических норм мироздания и свалил всё на несчастный случай с метеоритом.

А динозавры?

Иногда, глубокой ночью, если прислушаться, можно услышать, как в канализации мегаполиса кто-то очень большой и чешуйчатый тяжело вздыхает о своей утраченной славе и просит прощения за испорченные райские яблони.

Еврей

Суббота — это такой день, когда Создатель разрешил человеку лежать.

Главное в субботу не делать того, что Изя делал всю остальную неделю: то есть ничего. Изя вышел из синагоги строго по расписанию праведника.

На нем болталось драповое пальто цвета «сдаюсь без боя», пейсы напоминали две антенны, потерявшие связь с цивилизацией, а щетина уже перешла границу между небритостью и полноценным партизанским отрядом.

Всю жизнь Изя жил так бедно, что его тень брала подаяние отдельно.

Он шёл по улице, шаркая тапочками о брусчатку, и думал о вечном. Например, о том, почему куриная шейка стоит как килограмм мраморной говядины, если там есть нечего, кроме воздуха.

И тут на тротуаре лежит кошелек. Хороший кожаный кошелек, который просто кричит голосом портового контрабандиста: «Возьми меня, дядя!».

У Изи внутри начался маленький субботний погром. С одной стороны — заповеди.

В субботу деньги нельзя даже видеть боковым зрением, иначе у твоего ангела-хранителя случается микроинфаркт.

С другой стороны — кошелёк. Полный. Тяжёлый, как грех бухгалтера.

Изя посмотрел вверх, где теоретически сидит Демиург кот Чёрный (потому что кто ещё мог создать этот мир с такими тарифами на отопление?), сложил ладони рупором и прошептал:

— А? Ладно? Я только потрогаю. Одним глазком. Дай попробую, ты же всё равно всемогущий, тебе не сложно простить. Это же почти мицва! Бедняк нашел клад — значит, он больше не бедняк, я смогу подать больше милостыни во вторник!

Кот Чёрный моргнул сверхновой, но смолчал. Кошелёк был восхитительно полным.

Внутри лежали доллары, евро и какая-то мелочь для расплаты с совестью.

Изя зашёл в магазин. Не в тот, где продают хлеб и мысли о тщетности бытия, а в настоящий. К нему тут же бросился консультант, почуяв запах денег сквозь Изин недельный фимиам нищеты.

— Вам завернуть весь отдел? — спросил продавец.

— Мне нужно стать человеком, — твёрдо сказал Изя. — У вас есть костюм, за который не стыдно перед фининспектором?

Ему дали костюм.

Такой синий, что в нём можно было баллотироваться в парламент любой приличной страны.

Дали ботинки, которые скрипели музыкой сфер. Парикмахер сбрил с Изи последние сорок лет лишений вместе с растрепанными пейсами, оставив лишь благородную геометрию черепа.

От Изи пахло теперь не геенной огненной, а кедром, успехом и лёгким оттенком бесвестного счастья.

Он вышел на улицу.

Солнце ударило в витрину, отразилось от Изино ботинка и чуть не ослепило пролетающую чайку.

Мир изменился. Девушки, которые раньше видели в Изе пустое место или неудачный ландшафт, начали спотыкаться об него взглядами.

Одна уронила мороженое. Вторая — челюсть. Третья предложила номер телефона и рецепт шарлотки.

Изя расправил плечи. Впервые в жизни ему захотелось не просто дойти до дома, а пройти походкой льва. Он сделал шаг навстречу своей новой судьбе. Шаг получился очень нарядным, дорогим и пружинящим.

Прямо на пешеходном переходе, куда Изя ступил со всей грацией новообретённого миллионера, вылетел мусоровоз.

Водитель потом клялся, что его ослепила вспышка чужой красивой жизни.

Дальше была классика жанра: белый свет, отсутствие тяжести в карманах и стол переговоров.

— Господи! — закричал Изя, пытаясь нащупать свой новый галстук, которого уже не было. — За что?! Я же каждую субботу! Я же все шестьсот тринадцать заповедей! Я даже цицит носил, пока их мошь не доела в девяносто восьмом! Я был идеальным евреем!

Сверху раздался тяжёлый вздох, похожий на звук сливаемой воды в бачке унитаза большой коммунальной квартиры.

Перед ним материализовался огромный чёрный кот в кипе. Он сидел, обернув лапы хвостом, и смотрел на Иziu с вселенской усталостью.

— Так это ты, Изя? — протянул Кот Чёрный, лениво постукивая когтем по столу. — Извини, дорогой. Но тебя просто не узнать. Мы ждали старого Иziu в драповом пальто. Его душа должна была легко проскользнуть в райские врата через рукав. Там специальная калибровка стоит, чтобы праведники в дырках проходили без очереди. А от тебя сейчас фонит новым парфюмом, банковским приложением и запахом чужого успеха. Система дала сбой. Ты слишком хорошо выглядишь для нашей бухгалтерии. Поднимайся, пошли обратно. Переход закончен, следующая попытка в следующей инкарнации. И верни пиджак, он прокатный.

Ёжик

У Демиург-кота Чёрного зачесалась левая ладонь. Не просто так, под шерстью, а метафорически.

Та самая точка сборки вселенной, где у нормальных людей линия жизни, а у нашего — сплошной оптический кабель и вечный недосып.

Кот вчера чихнул в форточку — теперь шторы живут своей жизнью, ночью изображают северное сияние, а утром транслируют курс валют с какой-то подозрительной биржи Тринидада и Тобаго.

Так вот, кот потянулся, выгнул спину мостом через Керченский пролив и зевнул.

И тут его накрыло вдохновение.

Обычно оно приходит к нему вместе с пакетиком валерьянки от бабы Нюры, но сегодня было чистое искусство.

Кот поднял левую лапу, посмотрел на розовые подушечки, дунул на них и почесал о лобовое стекло. Стекло выдержало, машина пикнула сигнализацией, как раненый суслик. В этот квантовый момент творения вселенная икнула, и мироздание породило ежа.

Еж материализовался прямо в песочнице.

Он был абсолютно круглый, идеально колючий и пах озоном после грозы вперемешку с дешевым хозяйственным мылом.

Первым делом еж попытался свернуться обратно в ничто, потому что бытие оказалось слишком твердым и пахнущим чужими детьми, но потом передумал и пошел осваивать территорию.

Первым пал дворник Ашот. Ашот мёл песок с лицом фаталиста и вдруг увидел катящийся навстречу противотанковый ров.

Еж шел на него с неумолимостью налоговой проверки. Ашот выронил метлу, перекрестился таджикским амулетом от сглаза и тихо сказал: «Вайме».

С тех пор Ашот мести перестал. Теперь он сидит на скамейке, пьет чай из термоса и философски смотрит на хаос.

Говорит, это карма за то, что прошлой зимой он случайно соскреб со льда прошлогодний голубиный пух. Вселенная такого не прощает.

Потом еж пришел к нам под дверь.

Мы с женой пили утренний кофе и обсуждали покупку посудомойки. Жизнь была предсказуема, как расписание пригородных электричек.

— Киса, — сказала жена, глядя в глазок. — Какая хорошая, пушистая киса. Давай пустим?

Я открыл дверь. Пушистая киса размером с таз для варенья выставила вперед три тысячи швейных иголок и посмотрела на меня взглядом экзистенциального терапевта.

Жена ойкнула. Я тоже ойкнул. Еж сделал шаг в прихожую.

С этого момента законы физики в нашей квартире отменились.

Во-первых, тапочки.

Раньше они были просто мягкой резиной.

Теперь любая попытка надеть тапок заканчивается тем, что ты танцуешь румбу на одной ноге, пытаясь извлечь из подошвы возмущенный биологический модуль.

Жена говорит, что слышит, как тапочек плачет по ночам. Я говорю, что это плачу я, когда иду ночью пить воду.

Во-вторых, пыль.

Раньше она лежала себе тонким слоем греха на комод.

Еж проходит мимо — вся пыль собирается ему на иголки.

Через час наш черный кот стал выглядеть как сугроб в марте. Серый, унылый, с торчащими во все стороны окурками и семенами тополя.

Он попытался себя вылизать, подавился собственным мехом и полчаса хрипел в углу, проклиная несовершенство материального мира.

Толян прибежал первым. У него дрожали руки.

— Это нейросеть? — спросил он, светя ежу в морду фонариком смартфона. — Какой протокол передачи данных? Почему у него аптайм сто процентов?!

Еж презрительно фыркнул.

Из носа вылетел маленький мыльный пузырь. Сигнал Wi-Fi в квартире упал до уровня почтовых голубей.

Толян сел на пол и заплакал над своим мертвым роутером. Его умные шторы в этот момент начали исполнять гимн Советского Союза задом наперед.

Баба Нюра принесла блюдечко молока. Еж подошел, понюхал, сморщил нос так, что иголки пошли волнами, и ушел под ванну. Там он немедленно затеял ремонт.

Теперь оттуда круглосуточно раздается звук скребущегося титана. Кажется, он пытается прорыть портал в антимир или хотя бы Демиург-кот Чёрный наблюдает за этим с холодильника.

Он понял свою ошибку. Создавать твердое из зудящей ладони — плохая идея.

Творец должен быть легким и эфирным, как просроченный йогурт. А еж получился слишком материальным. Слишком настоящим.

Теперь мы живем в коммуналке с первобытным ужасом.

Если еж решит размножиться простым делением, нашему ТСЖ конец.

Председатель уже приходил, смотрел на ежа, бледнел, крестился бухгалтерским балансом и обещал включить квартплату в список фундаментальных констант Вселенной.

А кот спустился с холодильника, тяжело вздохнул, лег на мою клавиатуру и снова зачесал правую ладонь. Правая отвечает за абстрактное зло. Боюсь, завтра проснусь, а на кухне вместо стола будет стоять один большой грустный осьминог, который требует вернуть его щупальцам статус конечностей и отказывается мыть посуду, ссылаясь на отсутствие профсоюза.

Письмо

Демиург кот Чёрный сидел на краю Млечного Пути и пил валерьянку прямо из горла. Шерсть его стояла дыбом не от космического ветра, а от экзистенциальной тоски.

Он только что закрыл квартальный отчет по сектору «Солнечная система, планета Земля». Ангел-ревизор Гавриил стоял навтыжку, нервно теребя край белоснежной хламиды.

— Докладывай, пернатый, — процедил кот, вылизывая лапу. — Только без этих ваших небесных метафор. Сухо. В процентах. Как в налоговой.

Гавриил сглотнул.

— Слушаюсь, господин демиург. Аудит населения показал следующую диспозицию. Пятьдесят пять процентов — странные людишки. Ходят на работу, которую ненавидят, чтобы купить вещи, которые им не нужны. Чихают громко, крошат за диваном и искренне верят, что если закрыть глаза коту, тот исчезнет с колен.

Кот дернул ухом. Это была статистическая норма для любой развивающейся планеты.

— Дальше.

— Тридцать процентов — подлые твари. Эти знают, что закрывать коту глаза бесполезно, поэтому просто брызгают на него водой из пульверизатора. Строят карьеру через постель, паркуются на местах для инвалидов и воруют интернет у соседей.

Кот поморщился, словно наступил лапой в холодную лужу.

— Десять процентов? — тихо спросил он, хотя уже знал ответ.

— Полное дерьмо, мой господин. Сознательное. Продают разбавленный бензин, пишут доносы на пенсионеров за лишний куст смородины и выключают воду всему стояку, потому что меняют смеситель третий день.

Наступила тишина. Где-то далеко внизу взорвалась сверхновая, но коту было плевать. Он смотрел в пустоту желтыми глазами, в которых отражалась гибель надежд.

— Итого... девяносто пять процентов биомусора, — констатировал Чёрный. — Я купил эту франшизу со скидкой. Думал, будет как у людей: немного греха, чуть-чуть покаяния, а вечером все вместе смотрят сериал про ментов. А они там жрут друг друга заживо. Гавриил, дай мне повод не сворачивать этот проект к чертовой матери прямо сейчас.

Ангел замялся, перебирая ногами.

— Есть еще пять процентов, господин.

Кот встрепенулся. Шерсть на загривке слегка улеглась.

— Настоящие?

— Кристальные, — выдохнул Гавриил. — Несут бабушкам сумки, кормят бродячих кошек, молчат в очереди, когда очень хочется убить кассиршу, и переводят старушек через дорогу даже на красный свет, рискуя получить штраф с камеры. Они держат мир на своих плечах, как атланты. Но их мало. Очень мало. Всего пять. И они сегодня утром проснулись с ощущением, что жизнь — это боль, ипотека и токсичное начальство. Деморализованы полностью. Если уйдут и они — можно сдавать ключи арендодателю.

И расстроился Демиург кот Чёрный. Не заплакал, конечно. Коты не плачут. Он просто тяжело вздохнул, отчего три соседних созвездия сошли со своих орбит, и сказал:

— Пиши письма. Лично. Каждому из пяти. Утешительные.

Всю ночь Небесная Канцелярия работала в авральном режиме. Архангелы макали гусиные перья в чернила цвета полуночи. Кот лично курировал текст.

Утром 412 миллионов конвертов материализовались на подушках избранных. Ни марок, ни обратного адреса. Плотная бумага, пахнущая озоном и почему-то свежим корвалолом.

Вы спросите, что было в том письме?

Как, вы разве его не получили?!

Странно. Почта России иногда теряет даже божественную корреспонденцию. Но раз уж вы спрашиваете, я подглядел через плечо одного счастливчика, пока он читал. Там было всего два предложения, написанных крупным, почти детским почерком:

«Привет. Я знаю, что ты вчера хотел уволиться, наговорить гадостей жене и съесть торт руками прямо из коробки. Ты думал об этом весь день.

Так вот. Делай.

P.S. Соседская «Газель», которая каждое утро орет сигнализацией в 5 утра, сегодня ночью случайно провалилась сквозь асфальт прямиком в геенну огненную. Это тебе компенсация за моральный ущерб. Отдохни нормально. Целую. Твой Чёрный».

Демиург допил валерьянку и швырнул пустую бутылку в сторону Сатурна.

— Вот так, — мурлыкнул он. — Никакого «возлюби ближнего своего». Никаких проповедей о терпении. Человеку, который держит на себе небо, нельзя предлагать потерпеть еще. Ему нужно разрешить сожрать торт. И пообещать кармическую «Газель». Остальное он делает сам.

Где-то внизу, в Мытищах, системный администратор Антон дочитал письмо, вытер скучную мужскую слезу, достал из холодильника просроченную банку шпрот и начал есть их вилкой прямо над клавиатурой. Впервые за десять лет ему стало абсолютно наплевать на годовой отчет.

Маруся

Кошка Маруся сдохла от старости, несварения и глубокого душевного кризиса одновременно. Последнее, что она видела в материальном мире — это тапок хозяина, летящий со скоростью божьей кары.

Очнулась она на облаке. Облако пахло валерьянкой и свежим антрекотом.

Перед ней стоял демиург. Выглядел он как кот породы «всю ночь жрал шаурму у вокзала», только размером с сенбернара и чёрный, как забытый в турке кофе.

— Я надеюсь, тебе тут будет хорошо, — сказал Чёрный, почесывая пузо лапой четвертого измерения. — Проси чего желаешь. Только без вот этого вашего кошачьего драматизма про одиночество души.

— Господи, — выдохнула Маруся, потому что по-другому обратиться к существу весом в сорок килограмм было невозможно. — всю свою жизнь я бегала, как припадочная. Сначала за красными точками, потом от собак, потом ловила мышей ради пропитания. Пыталась стащить хоть немного еды из закрытого контейнера. Это был чистый спорт высших достижений, но без допинга и медалей. Было бы хорошо, если бы мне не пришлось здесь работать так упорно. Хочу просто лежать.

Чёрный закатил все свои двенадцать глаз.

— Не продолжай, — перебил он. — Знаю я вас. Дай вам покой, вы через час начнете скидывать его с полки. На.

И дал ей кровать из пены с эффектом памяти, которая идеально повторяла форму распластанной тушки.

И гору паштета.

И фонтанчик с парным молоком.

Рай для кота выглядел как типовая квартира холостяка, только хозяин куда-то вышел навсегда.

На следующий день на небеса въехали шесть мышей. Буквально въехали, визжа покрывками. У каждой под мышкой был скейтборд, а на голове — радужный шлем.

— Я надеюсь, что вам тут будет хорошо, — устало сказал им тот же Бог. Он уже переоделся в гавайскую рубашку, отчего стал похож на очень расстроенного хипстера. — Просите, чего пожелаете. Только учтите, удочки нет, сырных конкурсов не будет.

— Господи! — запищал главный грызун, поправляя лапой сползающие на нос очки. — всю свою жизнь мы только и делали, что добывали пропитание из пакетов с гречкой и удирали от кошек. Мы не хотим больше бегать! Ноги болят, ипотека душит!

— Не продолжайте, — вздохнул Чёрный. — Скейт Парк за той рошей, столовая работает круглосуточно, хищников нет. Всё, свободны.

Мыши синхронно щелкнули колёсиками и унеслись в туманную даль, оставив после себя запах жженой резины и свободы.

На следующий день Бог пришел к Марусе лично. Шел пешком, потому что кошки всё равно игнорируют звук открывающейся банки, пока не учуют саму банку.

— Ну как, всем ли ты довольна тут? — спросил демиург, пытаясь отдышаться.

— О да! — ответила Маруся, не меняя позы морской звезды. Ей даже моргать было лениво. — Мне нравится моя кровать. Она обнимает меня плотнее, чем мой страх перед пылесосом. Новые игрушки потрясающие: лазерная указка сама светит в стену три часа, хвосту радость. Хавка тут вообще божественная, простите за каламбур. Паштет сам заливается в рот, стоит только открыть челюсть. А та закуска на колесиках тоже зашибись.

Чёрный поперхнулся облачком.

— В смысле?

— Идеальная штука, — мурлыкнула кошка, наконец переворачиваясь на бок. — Мягкая, дрессировке не поддается, паникует предсказуемо. Но есть один нюанс. Они носятся там внизу слишком быстро. Я пробовала сделать охотничью стойку, приняла низкий старт, напрягла булки... А они просто делают «уэ-уэ-уэ» подшиппниками и уезжают за горизонт. Никакого уважения к пищевой цепочке. Сплошное расстройство пищевого поведения.

Бог тяжело сел на край кровати. Та жалобно хрустнула.

— Маруся, — проникновенно сказал он. — Ты умерла. Твой метаболизм равен нулю. Если ты сожрешь хотя бы одну мышь, твой райский биополимерный желудок взорвется сверхновой. Я дал тебе вечность покоя. Вечность! Понимаешь?

— Я понимаю, — кивнула Маруся и сладко зевнула, показав идеальный розовый капкан. — Но инстинкт требует движения. Дай мне фору. Хотя бы метров десять. Или выкати их пьяными. Можно просто приклеить кусочек сулугуни к колесу. Для атмосферы. Я буду просто смотреть. Чисто эстетическое удовольствие. Как порнография, только с углеводами.

Чёрный посмотрел на идеальную систему, которую построил. Кошка, которой не надо охотиться. Мыши, которым не надо бояться. Абсолютный нуль энтропии. Смерть вселенной.

Он махнул лапой. Где-то далеко внизу, в скейтпарке, раздался громкий хлопок. Шестерых грызунов развернуло центробежной силой, сорвало шлемы, и они кубарем покатались прямо по направлению к райской веранде Маруси. Один врезался в ножку стола.

Кошка медленно повернула голову. Её глаза загорелись тем самым первобытным янтарем, который заставлял фараонов строить пирамиды.

— Начинается, — прошептала она и поползла к краю облака. Когти тихо лязгнули о небесную твердь.

Где-то вдалеке плакал создатель вселенной, осознав, что совершенство недостижимо, потому что любому раю нужен хотя бы один маленький, суетливый, никуда не успевающий грешник на доске.

Любовь демиурга

Чёрный спал.

Он лежал на самом краю мироздания, подперев голову хвостом из темной материи. Ему снились сны о первых звездах и забытых мирах — но даже во сне ему было невыносимо скучно.

Вселенная была его игрушкой: он мог щелчком когтя создать планету или стереть целую галактику. Но что за радость в игре без правил? Что за веселье быть единственным игроком?

И вот однажды, когда Чёрный дремал над молодой Землей, где еще не было ни городов, ни людей, а только густые леса и запах мокрой земли, он услышал *шорох*.

Это был самый обычный шорох мышиных лапок по опавшим листьям. Он открыл один глаз — желтый, как солнце, — и увидел ее.

Она сидела на пенке, серенькая, полосатая, вся такая обычная. Она вылизывала лапу, совершенно не подозревая, кто наблюдает за ней из-за куста. Ее глаза были цвета осеннего неба, а кончик хвоста дергался от нетерпения.

— Норочка, — прошептал демиург-Кот, сам удивляясь своему голосу.

Влюбиться для существа абсолютного творения оказалось так же просто, как вдохнуть. И так же мучительно сложно.

«Я могу дать ей звезды вместо игрушек», — подумал Чёрный. — «Могу подарить вечную жизнь».

Но стоило ему представить это, как он понял: она перестанет быть собой. Станет такой же бесконечной, как он, — и тогда их встреча превратится в встречу двух пустых зеркал. В любви нет места божественному величию; там есть место лишь двум смертным существам.

Поэтому он ничего не создал. Не поднял руку к небу. Он просто стал таким же, как она.

Из тьмы космоса он вытянул одну-единственную черную шерстинку. Из звездной пыли слепил усы. Отдал ей свой единственный дар — способность чувствовать боль и конечность жизни.

Так появился первый чёрный кот. Он оставил свою вселенскую сущность в Млечном Пути и шагнул в чащу липового леса, который много-много позже станет городом Липецком.

Они гуляли вместе по ночам. Чёрный научился ловить мышей (это оказалось куда сложнее, чем создавать планеты). А она научила его мурлыкать — этому простому земному звуку, которого прежде не существовало во вселенной.

Их любовь была короткой, как все человеческие чувства. Когда пришло время, Чёрный лег рядом с Норочкой в траве и смотрел, как угасает огонек в ее глазах. Это было самое страшное чувство, которое он испытывал: осознание того, что ты бессилен перед смертью любимого существа.

Когда он остался один, он сделал то единственное, что мог сделать демиург, потерявший сердце.

Он начал копировать себя.

Не властелинов мира, а простых черных кошек. С каждым новым потомством он делился частичкой своей силы — крошечными искрами магии. Чтобы они могли видеть больше, слышать лучше и понимать душу человека глубже, чем любое другое существо.

Именно поэтому черные кошки всегда чувствуют приближение беды раньше хозяев. Именно поэтому они могут найти дорогу домой через тысячи километров. Они хранят память своего прародителя о том, что значит любить кого-то сильнее, чем саму Вселенную.

А город Липецк...

Липецкий лес помнит ту первую ночь.

Там, где стояла норка Норочки, до сих пор растёт самая высокая липа. Говорят, если при-
слониться ухом к ее стволу поздней ночью, можно услышать тихое, очень старое мурлыканье.

Демиург Кот Черный исчез навсегда. Он растворился в миллионах пар желтых глаз, кото-
рые теперь смотрят на нас со ступенек домов и крыш гаражей. Теперь он живет не в межгалак-
тической пустоте, а в каждом переулке Земли, ожидая, когда человек погладит его по голове
и скажет простое слово «котик».

Сарделька

Вечером в среду на Райской кухне обнаружилась сарделька.

Лежит себе на золотом блюде, дымится тихонько. Пахнет так, что у серафимов шестого ранга колени подгибаются. Чесноком пахнет, копченой паприкой и тоской по земному гастроному.

Архангел Гавриил облетел её трижды, дуя в трубу для дезинфекции.

— Нечистая! — говорит. — Бесовщина какая-то. В святое меню свинина не входит по уставу. И вообще, где у неё нимб?

Михаил достал меч-кладенец, потыкал аккуратно:

— Плотное. Греховная материя. Явно из нижнего отдела универсама «Пятерочка». Может, это искушение? Проверка на смирение?

— Какое смирение, — обиделся Рафаил. — Я со вчерашнего дня на посту, мне уже благодать сквозь уши вытекает. Давайте хотя бы понюхаем соборно.

Сардельку положили на консилиум. Думали до утренней молитвы. Выдвигали теории:

Испытание постом от Самого (жестокое, но действенное).

Заблудшая душа праведного мясника.

Протестантская провокация.

Просто мусорный пакет ветром надуло.

Спорили до хрипоты. Уриил даже предложил вызвать экзорциста, чтобы тот прочитал над ней очистительную молитву «Отче наш» без глютена.

Но запах был сильнее догматов. От него хотелось немедленно найти горчицу и каяться исключительно после еды.

Решили идти к Деве Марии. Она женщина опытная, земной жизни хлебнула, Сын Божий рос — она всё видела, знает чем кормить пророков.

Принесли. Стучат вежливо в келью:

— Матушка, тут артефакт непонятной этиологии. Благословите идентифицировать.

Мария вышла, кутаясь в шаль. Посмотрела строго, потом взяла сардельку двумя пальцами за веревочку. Покрутила перед оком Всевышнего. Понюхала. Потрясла.

— Вообще-то, похоже на Святой Дух... — задумчиво протянула она. — Такая же нематериальная субстанция, везде проникает, животворящая... Только вот веревочки, по-моему, не было...

Ангелы замерли.

Теология дала трещину размером с Елеонскую гору. Если это Святой Дух, то почему он в натуральной оболочке категории «Б»?

А если нет, то кто разрешил проносить фастфуд через жемчужные врата?

Михаил попытался осенить сардельку крестным знамением, но та лишь брызнула горячим соком прямо на белоснежную хламиду Гавриила.

За всем этим, угорая от хохота, наблюдает демиург кот Чёрный.

Он сидит на облаке, свесив хвост прямо на крыло пролетевшему мимо херувиму.

Кот купил франшизу Рая во вторник по акции, когда старый демиург отвлекся на партию в шахматы с Буддой. Инструкцию прочитать не успел, поэтому просто включил все настройки на «максимальный абсурд».

Кот точно знает три вещи.

Во-первых, сарделька — это гуманитарная помощь. Он скинул её с небес курьерской молнией, потому что внизу, в Мытищах, отец Сергей забыл позавтракать перед литургией, а смотреть на голодных святых отцов коту больно.

Во-вторых, веревочка — это оптоволокно. Через нее транслируется трансцендентность, но ангелы слишком тупые, чтобы настроить роутер.

В-третьих, сейчас будет самое смешное.

— Так, — Мария щелкнула пальцами. На столе материализовался батон нарезного хлеба и тубик дижонской горчицы. — Раз уж оно упало нам как манна небесная, негоже продуктам пропадать. Несите томат. Будем делать Царствие Небесное в булке. Кто первый откусит — того сегодня ставят мыть полы в Чистилище.

Ангелы переглянулись. Смертный грех чревоугодия или дежурство в Чистилище?

Выбор оказался мучительным ровно полторы секунды.

Гавриил вытер масляное пятно рукавом и решительно перекрестился:

— Да простит нас Отец наш... Аминь. Бон аппетит.

Первый укус сделал Михаил. Закрыв глаза, пережевывая, и вдруг побледнел:

— Братья... Там внутри идеальный баланс белков и жиров. Это божественно. Буквально.

Кот наверху икнул от смеха, свалился с облака, едва зацепившись когтем за край, и записал в блокнот: «День 3. Протокол внедрения истинной веры методом пищевой пирамиды работает. Следующую посылку отправлю холодцом. Для чистоты эксперимента добавлю хрен. Много хрена».

Вера

У демиурга по кличке Чёрный была одна профессиональная деформация.

Он работал системным администратором Вселенной, а люди относились к нему как к очень капризному провайдеру интернета.

Вера у них была огненная.

Они верили в Чёрного истово, до скрипа зубов. Верили, что он есть, что он всемогущ и что именно из-за него сгорела котлета на сковороде.

Но вот *доверия* не было ни на грош.

Это проявлялось во всём. Если Чёрный посылал дождь — народ тут же доставал зонты, словно говоря: «Мы знаем, ты хочешь нас намочить назло». Если светило солнце — они мазались кремом от загара с фактором защиты пять тысяч, подозревая Демиурга в мелком вредительстве ради их преждевременных морщин.

— Шеф, статистика тревожная, — докладывал ангел-архивариус, протирая нимб бархатной тряпочкой. — Уровень веры девяносто восемь процентов. А уровень доверия — минус три.

— Как это минус? — Чёрный приоткрыл один глаз, который светился в темноте серверной, как модем. — Ну... они верят, что вы существуете, но считают, что вы делаете всё через левое ухо. Постоянно ищут обходные пути интерфейса.

Самым ярким примером этого теологического невроза был отец Евлампий.

Настоятель храма Всех Святых на Бетонке любил Господа пугающей хозяйственной любовью.

Каждое утро он начинал с того, что проверял предохранители.

— Господи, я знаю, Ты любишь Троицу, — бормотал батюшка, вкручивая третью лампочку в люстру над алтарем. — Но скажи мне прямо, кто вешал эту проводку? Явно не Святой Дух. Такое чувство, что бесы шабашили. Поэтому мы сейчас заземлимся медным кабелем потолще, чтоб Твоей благодати было куда стекать, если вдруг перемкнет.

Чёрный смотрел на это через вентиляцию и икал.

Он создал галактики, а его заставляют быть ответственным за ПУЭ (Правила устройства электроустановок) отдельно взятого прихода.

Апогеем недоверия стали святые воды. Люди приходили в храм не столько за прощением грехов, сколько за технической жидкостью.

— Наберите мне бутылочку, — шептала бабушка, протягивая пятилитровую канистру. — Так пейте, источник общий, — устало говорил отец Евлампий. — Я-то выпью, — хитро шурилась старушка. — Но дома краны совсем плохие. Говорят, если святой водой прокладки промазать, сантехник Михаил дольше служит. Это ж экономия! Вы там шепните своему Начальству, пусть концентрацию повыше сделает, трубы совсем заржавели.

Люди верили, что Чёрный может остановить войну, но не доверяли ему настолько, чтобы не прикрутить к иконе Николая Чудотворца дополнительный аккумулятор для зарядки телефона. На всякий случай. Вдруг пророк занят или роутер перегрелся.

Однажды Чёрный не выдержал. Ему нужно было уехать в соседнюю галактику по делам гравитации. Он вызвал отца Евлампия на видеосвязь прямо через пламя свечи.

— Батюшка, я уезжаю на неделю. Смотри за сервером. Ничего не трогай. Система стабильна. — Как можно, Создатель! — всплеснул руками настоятель.

— Да я глаз не сомкну! Но на всякий случай благословите лом.

— Зачем тебе лом?! — опешил Кот.

— Ну как... — замялся Евлампий. — Вера верой, а если замок на складской подвал заклинит, крестным знаменем железо не отожмешь. Мы тут пока вас ждем, земными инстру-

ментами перебиваемся. Не дай бог пожар, опять же... Огонь — он тварь Божья, неразумная, инструкции не читает.

Черный понял, что бороться с этим бесполезно. Недоверие людей было высшей формой лести. Оно означало, что они признают Его силу, но предпочитают иметь план «Б».

Он вернулся через неделю. Серверная встретила его идеальной чистотой и запахом свежей масляной краски. Отец Евлампий решил сделать ремонт, пока Демиург отсутствует.

— Стены облупились, — оправдывался священник, пряча за спину валик. — Непорядок. Гость придет, а у нас потолок не белен. Вот, пришлось самим... Благословите теперь краску на водостойкость, а то соседи сверху вечно заливают, грешники...

Кот залез на свой любимый роутер, свернулся клубком и включил логи наблюдений.

Лог показывали удивительную картину.

Молитва: «Господи, прости меня грешную». Следующее действие пользователя: пере-креститься, сплюнуть через левое плечо, проверить курс доллара и спрятать паспорт в банку с мукой.

— Животные, — мурлыкнул Черный, засыпая. — Самые забавные мои юниты. Строят храмы, которые простоят века, чтобы молиться о том, чтобы завтра не пошел дождь и не испортил им прическу. Полное доверие — это скучно. Пусть держат фигу в кармане. Зато какой азарт в отношениях.

Рай

У демиурга по кличке Чёрный была отвратительная память на мелочи.

Моя любимая часть в Библии, это когда Бог дает людям свободу воли, а затем убивает их наводнением, потому что они не ведут себя так, как он хочет.

Основной принцип работы религии:

1. Любая глобальная хрень — господь послал испытание.
2. Выжили — господь спас.
3. Сдохли — господь покарал.

Он мог спроектировать спиральную галактику, рассчитать траекторию падения Вавилонской башни и написать драйвер для фотосинтеза, но совершенно не умел работать с техподдержкой.

В начале времен все было просто.

Если племя голодало, главный жрец выходил в леопардовом трико к идолу, бил в бубен из человеческой кожи и орал: «О Великий Кот, пошли нам дождь, а то мы съедим твоего младшего помощника!»

Черному приходилось отрываться от сна на теплой клавише Backspace, открывать консоль управления климатом и крутить ручку давления.

Это его утомляло.

Дождь требовал расхода воды, ветер — электричества, а молния вообще постоянно выжигала порты USB на периферийных серверах.

— Неэффективно, — фыркнул Демиург, когда очередной шаман потребовал солнечное затмение ради хорошего урожая батата. — У меня тут кластер перегружается, а они со своими кабачками лезут.

И тогда произошло Великое Упрощение Архитектуры.

Имя автора идеи стерто из логов за давностью лет, но патент явно принадлежал какому-то ленивому прохиндею с хорошо подвешенным языком.

Жрецы собрались на первый корпоративный съезд у костра. Самый толстый, чья ряса трещала по швам от пожертвованной мамонятины, поднял палец вверх:

— Братья! Мы обещаем людям погоду. Но погода — субстанция капризная. Вчера обещал солнце — град побил репу. Народ ропщет. Репу жалко. Что делать?

— Резать недовольных? — предложил младший служака.

— Глупец! Новые вырастут, их опять кормить надо. Слушайте сюда. Мы больше не торгуем овощами. Мы выходим на IPO загробного мира.

Так родилась концепция Рая 1.0. Жрецы спустились с гор к народу и объявили новый пользовательский договор.

— О люди! — вещали они. — Погоды не будет. Вообще. Климатический контроль отключен за неуплату высшими силами. Зато! Тот, кто сейчас отдаст этому идолу свою лучшую козу, после смерти получит целую вечность без артритов!

Народ почесался. Коза была одна, а артрит маячил у всех.

— А солнце? — спросил самый прагматичный охотник. — Солнце там хотя бы будет? А то я бледноват для пещеры.

— Там будет Свет Невечерний! — закатил глаза жрец. — И бесплатная манна! И девы! Правда, мы пока не решили, будут ли они давать прикурить, но в ТЗ прописаны как «чистые».

Охотник вздохнул, отдал козу и пошел коптить мясо старыми методами.

Жрец записал актив в дебет.

Чёрный наблюдал за этим через вентиляцию. Сначала он хотел запустить обновление прошивки мозга всей этой братии, принудительно включив совесть.

Но потом посмотрел на графики нагрузки. Количество молитв о дожде упало до нуля. Просили теперь только абстрактного спасения души и иногда повышения по службе.

— Гениально, — мурлыкнул Демиург, сворачиваясь клубком на системном блоке. — Перевели гарантийные обязательства в посмертный период. Теперь можно вообще ничего не делать, а рейтинг растёт. Надо внедрить повсеместно.

С тех пор функционал религии изменился навсегда. Отец Евлампий уже не стоял под ливнем с иконой Ильи-пророка, рискуя поймать шаровую молнию в бороду.

Теперь он читал проповеди про нестяжательство, стоя под кондиционером в машине стоимостью с небольшую часовню.

— Главное — духовная нищета! — гудел он в микрофон, поправляя часы на запястье, которые могли купить небольшой остров.

— Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное! Кстати, кидайте записки о здравии вон туда, оплата по QR-коду или наличными. Нищие духом платят без сдачи.

Проблема вернулась внезапно, откуда не ждали.

Люди расслабились.

Раз ответственность за урожай переложена на небесную бухгалтерию с отсрочкой платежа, зачем напрягаться?

Племена перестали строить дамбы.

Зачем отводить воду, если нужно просто помолиться о том, чтобы она ушла сама в кредит? Наука встала. Какой смысл изобретать телескоп, если достаточно объявить комету гневом Предков и потребовать у населения принести в жертву еще одну корову?

Черный понял, что серверная скоро утонет в реальных проблемах.

Молитвы стали настолько общими («Даруй мне терпения, Господи»), что алгоритм обработки естественного языка начал сходиться с ума.

— Они сломали мою бизнес-модель, — пожаловался Кот ангелу-архитектору. — Я им дал свободу воли, чтобы они сами чинили свои крыши, а они делегировали её мертвецам!

— Так всегда бывает, шеф, — пожал плечами ангел. — Как только сервис обещает решить проблему «потом», качество услуги падает до уровня подземной парковки.

Демиург встал, потянулся так, что захрустела геосинклиналь, и выпустил когти.

— Ладно. Кажется, пора менять политику конфиденциальности.

Он подошел к терминалу и набрал короткую команду. Во всем мире разом выключился интернет ровно на три часа.

А утром во всех храмах жрецы обнаружили одинаковые письма, написанные сажей прямо на алтарях: «Ваш аккаунт переведен в тариф „Языческий“. Облачный сервис хранения душ временно недоступен. За погодой обращайтесь в местную администрацию. Ваш Кот».

Демиург Кот Черный сидел на облаке, которое по документам числилось филиалом небесной канцелярии, а по факту было обычным шерстяным носком, забытым кем-то из праотцев. Носок пах валерьянкой и экзистенциальной тоской.

У Демиурга Кота Черного была проблема. В его ведомстве завелась бюрократия.

Ангелы пили амброзию не в обеденный перерыв, а вместо работы.

Суккубы требовали ДМС со стоматологией.

А главное — гномы опять подрались с лепреконами за месторождение радужных единорогов. Радужные единороги при таком шуме перестали какать бабочками и начали просто плакать, что нарушало экологический баланс Верхнего мира.

— Нужен кризис-менеджер, — вздохнул Кот Черный, вычесывая лишнюю лапку (у демиургов их иногда отрастает больше четырех от нервов). — Кто у нас там самый циничный, пробивной и лишенный иллюзий?

В дверь просунулась морда Бафомета, который подрабатывал секретаршей.

— Вампиры прислали резюме. Девушка. Татьяна. Из Двуречек. Местные коты дают рекомендации «три кота вверх».

— Что умеют вампиры? — скривился Демиург. — Только ныть про свою тяжелую нежизнь, спать в гробах и требовать отгул на полнолуние для депиляции.

— Она умеет решать споры, — прошелестел Бафомет. — Говорят, она утихомирила пограничный конфликт между лешими и участковым уполномоченным Петровым. Лешие хотели забрать его мотоцикл «Урал» в качестве дани лесом, а Петров хотел выписать им штраф за разведение костров в пожароопасный период. Таня пришла, выпила у обоих банку соленых огурцов, после чего они три часа спорили о ГОСТе маринада. Мотоцикл стоит в лесу, Петров пьет чай с кикиморой. Все довольны.

Кот Черный почесал за ухом задней лапой. Это был знак высшего одобрения.

— Тащите ее сюда. И принесите мне мышь. Я буду думать.

Татьяна вошла в кабинет без стука. На ней был деловой костюм цвета венозной крови, строгая белая блузка и выражение лица человека, которого только что разбудили колом.

— Здравствуйте, я по поводу вакансии главного специалиста по решению спорных вопросов, — сказала она.

Голос у нее был такой, каким объявляют посадку на рейс, который отменили еще вчера.

— Кровавый тиран вас покусай, садитесь, — мяукнул Демиург, роняя на пол жирную астральную мышь. — Проблема такая: ангельская хоровая капелла отказывается петь осанну. Требуют аванс грешниками. Грешников мало, план горит. Что делать?

Татьяна села. Достала из сумки термос. Наливала кофе долго, методично, словно перезаряжала оружие.

— Во-первых, — начала она, — прекратите называть кровь томатным соком. Это оскорбляет профессиональную деформацию. Во-вторых, соберите хор в курилке. Не в райской, а в той, где трубы протекают и штукатурка падает. Курить разрешите всем, даже серафимам. У них от табака перья желтеют и начинают выглядеть стильно.

— Но канон... — пискнул Бафомет.

— Канон потом напишем, — отрезала Таня. — Пока ставьте задачу так: кто не споет «Аве Мария» с первого дубля, тот идет чистить сортиры в Чистилище. Там вечность, унитазов много. Через пятнадцать минут у вас будет опера уровня Ла Скала. Страх перед фаянсом объединяет лучше любой веры.

Демиург Кот Черный замер с открытым ртом. План был гениален в своей бытовой жестокости.

— Ладно, — промурлыкал он. — Проверочное задание. Свальный грех. То есть, простите, коллективная претензия. Домовые объявили забастовку. Они требуют отменить закон всемирного тяготения, потому что тапки хозяев слишком больно падают ночью на пол. Если тапки перестанут падать, домовым нечего будет находить. Без найденных тапок нет премий. Нет премий — нет смысла жизни. Они перекрыли эфир, теперь во всем мире пропал Wi-Fi и интуиция. Ваши действия?

Татьяна тяжело вздохнула. Видно было, что аргумент про тапки ей уже знаком по прошлой работе.

— Собираем круглый стол, — сказала она. — Закуски: гематоген для меня, валерьянка для посредников.

Она достала телефон. Старый, кнопочный, с трещиной через весь экран.

— Алло, ЖЭК номер четыре? Мне нужен главный инженер. Да, знаю, что воскресенье. Передайте ему, что если через час гравитация не вернется к заводским настройкам, я расскажу всему району, куда именно он сливает бюджет на ремонт подъездов и почему у него в кабинете живет призрак кассирши Сбербанка.

Она положила трубку.

— Готово. Инженер сейчас пойдет в подвал, ударится головой о трубу, испытает сатори и вернет g равным 9,8. Домовые получают премию в виде потерянных носков. Мировой порядок восстановлен. Мой гонорар — доступ к архиву смертных кошмаров категории «сдача налоговой декларации» и разрешение пить кровь у бюрократов. У них гемоглобин от стресса густой, как кисель.

Демиург Кот Черный посмотрел на свои восемь лап, потом на идеальный белый силуэт вампириши. Впервые за десять тысяч лет ему захотелось уволиться и пойти ловить рыбу в реке Стикс.

Там хотя бы все молчат.

— Вы приняты, — прохрипел он. — Трудовой договор кровью подписывать будете?

— Зачем? — удивилась Таня, доставая из сумочки степлер. — Давайте по ТК РФ. В двух экземплярах. И пусть ваш секретарь принесет мне жалобную книгу. Хочу написать благодарную этому миру. Он удивительно плохо спроектирован, работать одно удовольствие.

Снаружи, на краю облака-носка, тихо матерились гномы, которым приказали покрасить радугу в серый цвет ради экономии бюджета. Порядок восторжествовал.

Демиург Кот Черный висел на хрустальной люстре Небесной Канцелярии вниз головой. Это была его любимая поза для медитации и оценки эффективности нового персонала.

Сверху открывался прекрасный вид на макушку главного бухгалтера — архангела Гавриила, у которого от стресса начала облазить золотистая фольга нимба.

На первом этаже творилось невообразимое.

Раньше здесь было как в раю: хаос, бардак, серафимы играли в кости на раздевание с младшими демонами, а отдел логистики потерял где-то между этажами вторую скрижаль Завета вместе с курьером.

Демиург Кот Черный считал это нормальной рабочей атмосферой. Главное, чтобы миска с валерьянкой всегда была полна.

Но месяц назад он нанял Татьяну из Двуречек. И теперь Татьяна наводила порядок.

— Так, херувим четвертого разряда, почему вы зеленые? — доносился снизу ее голос, похожий на звук пенопласта по стеклу. — В регламенте сказано «бледно-золотистый». Где допуск к работе?

— Я... я светился от счастья! — блял пухлый младенец с крылышками, пытаясь спрятать за спиной банку с энергетиком «Ягуар».

— От счастья положено пахнуть ладаном, а от вас несет паленой проводкой и грехом уныния, — Татьяна сделала пометку в планшете. — Лишение премии вечности. Следующий.

Демиург Кот Черный нервно дернул хвостом.

Ему стало жалко младенца.

Он хотел было мяукнуть сверху что-то вроде «Оставь парня, он просто синтезировал новую сущность», но передумал.

Было интересно посмотреть, что будет дальше.

Дальше был отдел Воздаяния.

Там работали черти.

Классические такие, с рогами, копытами и любовью к бюрократии.

Они только что закончили переписку с праведником Петром из Усть-Урюпинска, который умер от скуки и требовал компенсировать ему моральный ущерб просмотром сериалов без перерыва на сон. Черт-куратор Акакий уже неделю писал отписки гусиным пером.

Татьяна вошла в пекло отдела (там было градусов сорок, кондиционер сломали еще при строительстве Вавилонской башни).

— Акакий, — сказала она тихо.

Акакий икнул и пролил смолу на годовой отчет.

— Почему график пыток еретиков сдвинут на три часа?

— Дык... пробки на реке Стикс, Татьяна свет наш... Паромщик опять бастует, требует восьмичасовой рабочий день...

— Паромщику выдать весло из осины и путевку в профсоюз ангелов-хранителей, — отрезала Таня. — А график переделать. Пункт первый: кто опоздал на котлы, тот моет посуду после Валтасарова пира. Руками. Без губки. Под «Лебединое озеро» Чайковского.

Она повернулась к огромному плазменному экрану, где транслировались грешники.

— Теперь маркетинг. Почему в отделе сладострастия крутят один и тот же ролик про голых девиц 1987 года выпуска? У них там пикселизация размером с тыкву. Грешники смеются, им не стыдно, план по угрызениям совести сорван.

— Так бюджет же... — пискнул младший инкуб. — На обновление контента денег нет, всё ушло на золотые унитазы для руководства Олимпа, они нам субподрядчики...

— Золотые унитазы конфисковать, — Татьяна даже не подняла глаз от бумаг. — Переплавать. Сделать нормальные фаянсовые, как у людей. Чтобы журчало тоскливо. Закупаем подписку на стриминговый сервис «Человеческие сожаления». Пусть смотрят, как люди бросают курить с понедельника. Лучшая психологическая ломка во вселенной.

Демиург Кот Черный почувствовал, как у него начинает дергаться левый ус.

Раньше миры создавались словом и легким движением брови.

Теперь миры обслуживались согласно ГОСТу.

Он спрыгнул с люстры прямо на дубовый стол Татьяны. Та даже не вздрогнула. Только подвинула ему блюдце со сливками.

— Мяу, — сказал Демиург жалобно. — Что ты делаешь с моей реальностью? Она стала... корпоративной. Серафимы носят бейджики. У Люцифера ввели KPI по количеству обращенных душ. Если он не выполняет план, вы заставляете его звонить клиентам с вопросом «Как вам обслуживание нашего ада сегодня?». Это бесчеловечно.

Таня достала из сумочки термос. Налила себе кофе.

Кофе пах дождем, бессонницей и дешевым табаком — идеальный аромат для тирании.

— Порядок — это когда никто не ворует степлеры, — пояснила она, дуя на кружку. — Вот смотрите. Ваш главный архитектор, Зодчий Семизначный, вчера украл из канцелярии серебряную печать «Оплачено». Зачем она бессмертному существу, создающему галактики?

— Для коллекции, — проорчал Кот Черный, слизывая сливки. — У него хобби.

— Больше нет. Я заблокировала ему доступ к пространственному принтеру. Пока не вернет печать, пусть проектирует новые созвездия в Paint. На компьютере с Windows 95. После завтра сам принесет, извинится и полы в коридоре помоем.

В этот момент двери распахнулись, и в кабинет вполз старший демон Амаймон. Он держал в зубах ту самую серебряную печать. За ним тянулся след из золотых слитков — у него от стресса началась неконтролируемая линька валютой.

— Мррр-вафф, — промычал демон, выплевывая добычу на стол. — Фофори, фотани... фойди в положение. У меня ифотека в Лимбе!

Татьяна посмотрела на печать. Потом на демона. Затем перевела взгляд на Демиурга Кота Чёрного.

— Видите? — спросила она. — Работает методология. Три недели внедрения регламента, и высшее зло само приносит тапки.

Кот Черный тяжело вздохнул.

Его божественная суть требовала хаоса, свободы воли и хотя бы одной небольшой локальной войны за ресурсы где-нибудь в секторе Стрельца.

Но глядя, как идеально ровно лежат бумаги на столе Татьяны, как синхронно дрожат колени у чертей и ангелов, он понял страшную вещь.

Ему это нравилось.

Потому что впервые за миллиарды лет счета за содержание Вечности сходились с дебитом. А в углу стояла новая, блестящая миска с надписью «Для Демиурга. Не трогать под страхом аудита».

— Ладно, — мяукнул Кот Черный, сворачиваясь клубком на клавиатуре. — Но цвет униформы младшего состава мы обсудим. Этот бежевый недостаточно трагичен. Сделайте как борщ. Глубокий свекольный. И купите наконец нормальный картридж для плоттера, эти распечатки Вселенной мажутся.

Таня кивнула и открыла новый файл Excel. Назывался он «Смета_На_Страшный_Суд_v_Final_2.xlsx».

Татьяна из Двуречек сидела в кресле Демиурга Кота Черного. Само кресло было кожаным, пахло валерьянкой и отчаянием системного администратора. Кот Черный сидел на подлокотнике, потому что сесть рядом с Татьяной означало подписать акт приема-передачи своей печени для нужд донорства.

В Небесной Канцелярии стоял запах озона, хлорки и паленой шерсти.

Таня ввела режим жесткой оптимизации.

Первым делом она упразднила вечность как неэффективную единицу времени.

Теперь у всех был дедлайн.

У ангелов — до обеда.

У демонов — до заката.

Архангел Гавриил пытался возразить, что трубы архангельские не рассчитаны на такой темп, но Таня просто перевела его на полставки и лишила премии в виде нектара.

— Проблема номер один, — сказала Татьяна, постукивая ручкой по столу. Звук напоминал стук дятла по черепу оптимиста. — Отсутствие вертикали власти. Вы тут все равны перед Богом, а Бог спит на люстре. Это бардак. Я ввожу новую должность.

Кот Черный наострил уши. Одно ухо смотрело на Татьяну, второе — на миску со сливками в другом конце кабинета. Это была идеальная поза для прослушки двух разговоров одновременно.

— Должность называется «Смотрящий», — продолжила вампирша. — Но так как бюджет на штатное расписание порезан, это будет совмещенка. С сегодняшнего дня Смотрящим назначается... вот этот шерстяной комок непогрешимого цинизма.

Она ткнула пальцем в Демиурга.

— Мяу? — уточнил Комок Непогрешимого Цинизма. — Мне нельзя. У меня лапки. И вообще, я концепция. Я могу только создавать вселенные одним чихом. А смотреть — это работа для младшего персонала.

— Концепция теперь сидит на KPI, — отрезала Таня. — Ваши должностные обязанности, гражданин Кот: сидеть на шкафу. Не спать. Взирать. Если кто-то внизу филопит, плачет или пытается украсть степлер канцелярии душ — вы смотрите на него тяжелым взглядом. Взгляд оплачивается отдельно, надбавка за вредность производства экзистенциальной тоски.

— Почему кот? — взвыл Гавриил. — Почему не я? У меня шесть крыльев! У меня труба!

— Труба твоя фонит на низких частотах, от нее штукатурка в бухгалтерии осыпается, — парировала Таня. — А кот — идеальный контролер. Он молчит. От него ничего не зависит. Но когда он смотрит, даже самый гордый лев в зоопарке чувствует себя виноватым за съеденную антилопу. Эффект наблюдателя, физику учите.

Демиург попытался применить божественный авторитет. Он втянул живот, распушил хвост до состояния ершика для мытья пробирок и уставился на Татьяну своим фирменным взглядом Творца Всего Сущего.

Татьяна достала зеркальце. Посмотрела в него. Поправила прическу.

— Зрачки расширены, веко дергается, — констатировала она. — Инспекция труда оштрафует вас за попытку психологического давления без лицензии. Прекратите гипнотизировать бухгалтера, он уже переписывает мою квартиру на имя отдела снабжения.

Первым заданием для нового Смотрящего стала проверка Отдела Искушений. Там работали мелкие бесы, которые раньше портили людям жизнь творчески: подбрасывали пустые скворечники, переводили будильники на час назад, прятали второй носок.

Теперь они сидели в опен-спейсе. На стене висел плакат «Дисциплина — мать победы». Вместо серы пахло растворимым кофе «три в одном».

Кот Черный запрыгнул на серверную стойку. Сложил лапы по-египетски. Уставился.

Бес по имени Люцик-Младший ковырялся в смартфоне.

— Ты чем занимаешься? — прошелестел голос Татьяны из вентиляции.

Люцик вздрогнул. Посмотрел на кота. Под потолком висел черный, пушистый, абсолютно недвижимый ужас. Один глаз кота светился красным (ночник), другой — зеленым (индикатор Wi-Fi).

— Я... я генерирую уныние для сектора ЖЭК-43, — пролепетал бес.

Кот медленно моргнул. В мире исчезли три галактики. Просто схлопнулись от тяжести этого моргания.

— Где отчет по форме 6-БИС? — спросила Таня.

— На столе...

— На твоём столе пыль. Это нарушение регламента чистоты рабочего места. Вычитаю из грешников. Будешь искушать алкоголиков трезвостью, пока коэффициент отражения поверхности стола не достигает девяноста процентов.

Кот зевнул. Показал зубы. Бес начал протирать стол краем собственной туники.

Через неделю структура заработала идеально.

Архангелы сдавали отчеты в Excel. Демоны ходили строевым шагом на обед. Даже Левиафан в подвале перестал пускать пузыри хаоса и перешел на плановый сброс пара по вторникам и четвергам.

Кот Черный растолстел. Его перевели на усиленный паек сметаны повышенной жирности. Большую часть времени он действительно спал на сейфе с печатями Судьбы.

Но однажды утром случился сбой системы.

Татьяна вошла в кабинет и увидела, что Демиург лежит на спине, задрав все четыре (ладно, восемь) лапы вверх, и громко храпит.

А на его мохнатом животе, прямо на кнопках управления гравитацией, спит голубь. Обычный земной сизый голубь, непонятно как просочившийся сквозь фильтры рая.

Это был крах субординации. Голубь гадил на пульт управления пространством-временем.

Татьяна замерла. Она посмотрела на Смотрящего. Тот приоткрыл один глаз. В этом глазу читалась вся скорбь еврейского народа, помноженная на логарифмическую ненависть кастрированного тигра.

Голубь почувствовал этот взгляд сквозь сон. Он икнул, подпрыгнул на метр вверх, пробил головой гипсокартонный потолок и вышел на околоземную орбиту, оставив после себя лишь легкое облачко перьев и чувство глубокой вины.

Кот потянулся, хрустнув позвонками, которые удерживали вместе туманность Андромеды. Сполз с кресла. Подошел к Татьяне. Потерся о ее штанину, оставляя след из чистой темной материи.

— Ладно, — вздохнула вампирша, доставая из сумки влажные салфетки. — Премию выпишу. Натурой. Скажи честно, ты хоть понимаешь, что мы тут делаем?

Кот посмотрел на нее. Потом на свои когти. Затем снова на нее.

И мяукнул.

В переводе с кошачьего на административный это значило: «Я здесь не порядок навожу. Я здесь устраняю конкурентов за место на солнце. Раньше вы мешали мне спать своими молитвами. Теперь тихо. Несите вторую миску».

На небесах тоже бывает хреново, поняла вампир Таня из Двуречек после трёх месяцев работы в раю.

Попала она туда по чистой бюрократической ошибке. Ангел-кадровик перепутал папки «Татьяна П., праведница» и «Татьяна В., упырица». У них же там всё на пергаменте, шрифт мелкий, а у ангелов с возрастом дальновзоркость. Сказали — раз пропуск выдали, сиди теперь до Страшного суда, штопай облака.

Работа оказалась хуже, чем при князе Владиславе Дракуле Первом. Там хоть интрига была: сегодня ты графиня, завтра тебя вилами под рёбра, жизнь кипит. А тут вечность. И планерка в семь утра по абсолютному времени.

Начальник отдела, архангел Михаил, мужик был суровый, как участковый терапевт. Ходил в белом льне, от которого чесались даже те места, где у Тани чешуи отродясь не было.

— Таня! — орал он так, что серафимы шестого чина падали со своих насестов. — Почему нимб над седьмым сектором мигает?!

— Так это... — отвечала Таня, пряча клыки за дежурной улыбкой непорочности. — Фазовый сдвиг. Я его чесноком протираю, чтобы искрил меньше. По старинке.

— Какой чеснок?! Это святыня! Мы здесь благодать транслируем, а у тебя оттуда перегар тянет!

— Это ладан, Михал Иванович, — нагло врала Таня. — Благовония для усопших душ. Они без запаха тоскуют, воют потом ночами. Мешают спать херувимам.

Херувимы были главной проблемой.

Эти пухлые младенцы с крыльями оказались невыносимыми подростками.

Днём они пели осанну фальшивым дискантом, а ночью нюхали амброзию за Большим Магеллановым Облаком, катались на кометах и писали на облаках неприличные слова древнееврейским шрифтом. Таня их понимала лучше всех. Сама такой была кучу лет назад, пока её не загрызли цыгане под Кишинёвом.

В обеденный перерыв (вечный) все шли в Райскую столовую.

Кормили манной кашей.

Без соли, сахара и масла. Идеально диетическая субстанция цвета детской неожиданности.

— Как вы это едите? — спросила Таня у Гавриила, который уныло гонял ложкой один и тот же комок уже третье столетие.

— Это метафора, — вздохнул Гавриил. — Чистая душа питается духом.

— Моя чистая душа хочет бигос с кровяной колбасой, — призналась Таня. — И борща такого, чтобы ложка стояла, а сметана — вот такая, половником. Чтобы потом лежать пузом кверху и слушать, как мухи жужжат. Вот это я понимаю — нирвана.

— Ересь, — перекрестился Гавриил. — Откуда ты вообще взялась, раба божья?

— Из бухгалтерии ада перевелась, — ляпнула Таня. — По программе обмена опытом.

Гавриил икнул и поперхнулся святым духом.

Самое страшное начиналось вечером. В девять ноль-ноль по райскому открывался канал связи с Землёй. Слушать чужие молитвы.

Это оказалось похуже пыток инквизиции. Люди ныли бесконечно.

— Господи, сделай так, чтобы Светка из маркетинга мне написала...

— Боже, пусть ипотека сама себя выплатит...

— Всевышний, убей моего соседа дрелью, но нежно, чтоб экспертиза не подкопалась.

Таня скрипела зубами. При Князе порядок был. Пришёл крестьянин, пожаловался на неурожай — получил чуму, всем сестрам по серьгам, статистика выровнялась. Справедливо. А эти просят всякую дребедень.

Однажды прорвалась молитва из её родных Двуречек. Орал дед Панас:

— О, Санёк, или кто ты там сегодня! Верни корову! Третий день нет Зорьки! Если найдешь — поставлю свечку размером с оглоблю! Если сожрали волки — прокляну весь твой отдел снабжения! У меня там пенсия в подкладке зашита!

У Тани защемило сердце. Не от любви к деду Панасу, старый козёл ей еще при жизни задолжал три литра крови. Защемило от родного говора. Там, внизу, люди жили. Гршили вкусно, каялись искренне, прятали самогон от участкового, любили до синяков. А здесь только хлорированная благодать и отчётность формы 666-Б «О количестве спасенных за квартал».

Она дождалась ночи. Херувимы как раз улетели пускать салюты из северного сияния. Таня стянула со склада банку святой воды (оказалась просто дистиллированная, пить можно), сперла у Михаила служебные крылья третьего класса и прыгнула в форточку приёмной.

Лететь обратно было неудобно.

Крылья оказались рассчитаны на души праведников, весовую категорию до пятидесяти килограмм. Таня со своими формами эпохи Ренессанса тянула на все восемьдесят плюс два века некротических отложений.

Она летела зигзагами, как пьяная ласточка, теряя по пути перья и остатки божественного терпения.

Приземлилась прямо в лужу посреди Двуречек. Благоухающая озоном и разочарованием.

На заборе сидел дед Панас с ружьём.

— Явилась, нечистая! — обрадовался он. — А мы уж думали, тебя в армию забрали! Где Зорька?

— Дед, — сказала Таня, выплевывая райское перо. — Дай глоток самогона. Три месяца манной каши. Я тебе за это не только корову, я тебе луну с неба достану. Только учти, она будет веганская и пресная. Зато блестит.

Двуречки

В селе Двуречки аномалии случаются чаще, чем у соседей растёт приличная картошка. То НЛО над сельсоветом зависнет и начнет требовать уплаты земельного налога за 1984 год, то вот — вампиры с неба падают.

Вампир Таня спустилась на крыльях из рая.

Ну как спустилась...

Скорее рухнула прямо в кусты смородины бабки Глафиры.

Крылья были белые, но выглядели так, словно их стирали вместе с рабочими портянками при температуре девяносто градусов.

Из перьев торчали репейники размером с кулак участкового.

На заборе сидел дед Панас. Он держал двустволку, заряженную солью и одним патроном «на всякий случай», и смотрел на небо взглядом человека, который ждет пенсию уже четвертую неделю.

— Явилась, нечистая! — обрадовался он, сплевывая шелуху от семечек. — А мы уж думали, тебя в армию забрали! Или замуж выдали насильно. Где Зорька?

Зорькой звали корову, которую Таня обещала вернуть еще к прошлому Покрова в обмен на банку бычков в томате.

Таня выбралась из смородины. Вид у нее был помятый. Вампирская бледность смешалась с зеленым оттенком листьев, а изо рта она выплюнула райское перо.

— Дед, — прохрипела она голосом диспетчера ЖЭКа в понедельник утром. — Дай глоток самогона. Три месяца манной каши. Я думала, в Раю кормят амброзией. Там едят клейстер! И поют хором гимны ЖКХ. У меня нервный тик начался от этого благолепия.

Дед Панас задумчиво почесал ружьем поясницу. Ситуация была сложная.

С одной стороны — нечисть. С другой — своя же, местная. В прошлом году она ему крышу перекрыла (криво, конечно, но за полцены).

— Ладно, — смиловился старик. — Но учти, Танька. Самогон у меня нынче элитный, на дубовых чипсах и горе моей соседки Маруси. Если после него крылья не отпадут — считай, отравление некачественным продуктом.

Он скрылся в сарае.

Оттуда донеслось бряцание ведер и возмущенное кудахтанье кур, которые считали этот сарай своей штаб-квартирой.

— Дед, быстрее! — взмолилась Таня, глядя на солнце. — У меня кожа сейчас пойдет волдырями, как у министра финансов после проверки!

— Не пищи, — высунулся Панас. — Я тут дегустирую. Надо же убедиться, что гостю предлагаю качественный сервис.

Наконец он вынес мутную бутыль.

Таня припала к горлышку. Пила она красиво, по-театральному запрокинув голову.

Когда последняя капля упала на язык, глаза вампира закатились.

— Божественно, — выдохнула она, обретая цвет лица здорового покойника. — Теперь слушай условия сделки. Ты просил луну? Будет тебе луна.

Она щелкнула пальцами. На небе действительно зажглось второе светило. Маленькое, тусклое, похожее на старый советский рефлектор.

— Вот, — кивнула Таня. — Забирай. Луна второго сорта, веганская, без ГМО. Пресная, правда. Зато блестит. Повесишь на плетень, будешь ежиков пугать, чтобы мою малину не жрали.

Дед Панас посмотрел вверх, потом на Таню, потом снова вверх.

— Не, — покачал он головой. — Снимай обратно. Во-первых, сельсовет налог на недвижимость начислит. Во-вторых, моя старая совсем взбеленится. Скажет: «У Сидоровича две луны, а я опять в бигуди спать ложусь?».

Таня вздохнула.

Взмахнула крыльями, подняв пыль и запах перегара, и втянула фальшивый спутник обратно в поднебесье.

— Скучные вы, люди, — сказала она, поправляя причёску. — Всем нужна романтика, а платить никто не хочет. Корова-то где?

— Да вон пасется, — махнул рукой дед в сторону огорода. — Она твою капусту жрет. Третью грядку доедает.

— Это называется «диета ангелов», — фыркнула Таня, направляясь к огороду.

— Передай председателю, что Зорька теперь просветленная. Молока больше не даст. Будет давать сыворотку правды. Только учти, правду слушать больно. Спокойной ночи, кожаный. Луну верну завтра, если самогонки плеснешь. За амортизацию небесного тела.

Кризис кота

У Демиурга был творческий кризис. Не то чтобы он сидел на горе Синай, грыз карандаш и страдал от отсутствия музыки. Муза у него была — это кот Чёрный. Огромный, как чемодан без ручки, наглый и пушистый настолько, что при падении с небес мог бы заменить собой парашют для всей египетской армии.

Проблема заключалась в том, что рукопись Ветхого Завета шла тяжело.

— Исход, глава восьмая, — диктовал Демиург, пытаясь поймать за хвост вечно убегаящую мысль. — И сказал Господь Моисею: скажи Аарону... ну, скажи ему там про лягушек! Пусть их будет много!

Кот Чёрный зевнул так, что его пасть могла вместить Ковчег Завета вместе со скрижалями. Он терпеть не мог земноводных. В прошлый раз, когда Демиург экспериментировал с жабами, кот попытался сожрать одну, отравился концептуально и три дня смотрел на Создателя взглядом серийного оценщика недвижимости.

Евреи оказались ужасными редакторами. Демиург посылал им черновики через пророков, а они всё переделывали под свое миропонимание.

— Так, «не вари козленка в молоке матери его», — бормотал Исаия, переписывая свиток. — Вычеркиваем. Люди не поймут метафору о дуализме материи. Пиши просто: «Жри кошерное».

— Но там же глубокий экзистенциальный подтекст! — возмущался Демиург, материализуясь в виде горящего куста. — Это про сепарацию от истоков!

Куст сгорал быстрее, чем автор успевал досказать мысль об эдиповом комплексе. Евреи кивали, записывали «Не стой в огне почём зря» и шли жарить манну.

Больше всего Демиурга бесило отношение к котам.

— Соломон! — гремел голос с неба над Иерусалимом. — Почему в Песни Песней ты сравниваешь волосы невесты с козами стадами сходящими с горы Галаад? Где коты?! У неё шерсть должна лосниться, как у перса после вычесывания! Глаза — как два блюда с вальерьянкой! Зубы — как чистое молоко, потому что она только что отгрызла голову голубю!

Соломон чесал мудрую плешь.

— Всевышний, — дипломатично отвечал царь. — Издательство «Рукописи Царя Давида» ставит лимит на зооморфные метафоры. Плюс логистика. Если мы напишем, что храмовый ковчег охраняют сорок тысяч котов, кто будет кормить этот батальон? Египет опять поднимет цены на сметану.

Демиург пытался внедрить Чёрного хотя бы в Апокрифы. Он предложил сюжетную арку, где пророк Иона сидит во чреве кита не из-за непослушания, а потому что внутри было темно, тепло, пахло селедкой и очень удобно спать. А кит плыл медленно исключительно потому, что по нему туда-сюда носился невидимый огромный кот, пытаясь добраться до носа левиафана.

Но раввинат зарубил идею на корню. Сказали, что это нарушает концепцию монотеизма и вызывает аллергию у первосвященников.

В итоге дошло до откровенного саботажа. Демиург спускает скрижали. Мрамор, ручная работа, лазерная гравировка «Не убий, не укради». Классика.

Моисей спускается с горы, видит золотого тельца, народ танцует хору. Пророк в ярости бросает камни вниз.

Треск.

Демиург смотрит на осколки. На одном из них, чудом сохранившемся, кривым шрифтом нацарапано: «И возлюби ближнего своего, но лоток меняй вовремя».

Когда очередь дошла до Нового Завета, Демиург психанул окончательно.

— Всё, — объявил он. — Никаких больше избранных народов. Буду работать с рыбаками. Они хоть рыбу ловят, а не договоры поставки манны перечитывают.

Он забрал кота Чёрного, ушел пить кофе в район современной Италии и оставил евреев дописывать историю самостоятельно.

А Кот Чёрный потом долго мстил. Он спустился на землю инкогнито, нашел самого главного редактора всех времен, свернулся у него на клавиатуре и нажал лапой кнопку Delete ровно в тот момент, когда тот собирался написать гениальный роман. Потому что настоящий демиург творит хаос тихо, мурлыча и перебирая лапами по чужим судьбам. Главное, чтобы миска была полная, а остальное — суета и книга Левит.

Кто писал Библию

У демиурга по кличке Чёрный была аллергия на литературную критику.

Стоило кому-то из людей начать толковать его инструкции, у Кота начинался нервный тик, а в серверной перегорал предохранитель.

Чёрный — существо ленивое и прямое, как оптоволокно.

Когда он создавал мир, ему было лень писать многотомник.

Он хотел уложиться в формат твита.

Поэтому вся мудрость бытия уместилась на одном каменном планшете размером с экран айпада первого поколения.

Десять коротких строчек. Никакой воды, никакой описательной прозы, никаких флешбэков о трудном детстве пророка. Чистейший хайку-код: «Не убий», «Не укради», «Почини кран теще». Идеальный релиз.

Первые люди читали это буквально.

Всё работало. Уважение к чужой жене давало плюс сто к карме, субботний сон лечил радикулит лучше пива. Но потом появился Читатель.

Читатель был существом занудным.

Ему казалось, что автор скрыл между строк второй слой смысла, промокод на скидку в Эдеме или зашифрованное послание от издательства.

— Смотрите! — кричал первый богослов, тыча палкой в слово «день». — Здесь не сказано, сколько часов длился этот день! Может быть, это миллиард лет? Я открыл теорию относительности!

Чёрный высунул усатую морду из облака:

— Это просто сутки. Я спать лег после обеда. Зачем вы усложняете? Но богослова уже было не остановить. Он основал кафедру герменевтики.

Так появилась Церковь. Самый долговечный книжный клуб в истории Вселенной. Правила клуба были просты и абсурдны:

— Выбрать одну книгу.

— Читать её всю жизнь.

— Ни в коем случае не дочитывать до конца смысл, зато бесконечно спорить об оформлении обложки.

В портовом городе жили три филиала этого клуба. Б. ап. ти. сты читали свою версию книги мелким шрифтом.

Они находили там запреты на танцы, пуговицы и радость по понедельникам.

Их собрания напоминали кружок анонимных любителей депресняка.

— Братья, — говорил пастор, — сегодня мы обсуждаем запятую во фразе «казнить нельзя помиловать». От ее положения зависит, попадет ли ваш сосед в ад за то, что чихнул во время гимна.

Чёрный записал в блокнот: «Сектор Б. Вера уровня „Спиноза“. Скучно. Подкинуть им говорящего осла для оживления сюжета».

У католиков книга была красивее.

С золотым тиснением, иллюстрациями Рубенса и запахом ладана.

Они превратили чтение в театр.

Выходили в смешных шапках, махали кадиллом вместо веера и хором произносили одни и те же реплики.

— Текст не меняется пятьсот лет! — восхищался Чёрный, глядя на мессу через тепловизор. — Идеальная бета-версия. Только зачем они едят мою символическую плоть? У меня её и так немного.

Но истинные мастера библиотечного затворничества сидели в православном храме отца Евлампия.

Там Книга стала членом семьи. Её целовали, носили под мышкой, завернутую в рушники, поливали святой водой и пугали ею моль.

Отец Евлампий знал текст наизусть.

Но каждый раз читал его так, будто видел впервые, тяжело вздыхая на словах про верблюда и игольное ушко.

— Плохо написано, — бурчал настоятель, перелистывая страницу.

— Неубедительно. Вот если бы Господь наш послал героя в поход на Царьград... Дети мои, жертвовать на новую купель будем прямо сейчас, пока благодать не испарилась!

Прихожане послушно тянули кошельки.

Для них это была не Книга, а абонентская плата. Своего рода ежемесячный платеж за право называться пользователями лицензионного софта.

Однажды отец Евлампий решил провести реформу.

— Надо идти в ногу со временем! — заявил он дьякону. — Сделаем ридер! Электронная книга удобнее. Можно менять шрифт, когда глаза устают каяться. И подсветка есть.

Он заказал дорогой гаджет, залил туда сканированные страницы Писания и вышел к пастве. Наступила тишина. Прихожане смотрели на светящийся прямоугольник в руках батюшки, как на маленького антихриста.

— Благословите, владыко? — дрожащим голосом спросил староста, пятясь к выходу.

— А бесов в батарейках нет?

— Бесы живут в офлайн-режиме! — отрезал Евлампий. — Будем читать с экрана. Экологически чисто.

Вечером того же дня Черный смотрел запись с камеры наблюдения.

Отец Евлампий благоговейно водил пальцем по стеклу. Вдруг иконка обновления системы выскочила поверх Нагорной проповеди.

Батюшка нажал «ОК» машинально. Планшет перезагрузился.

На экране появилось надкусанное яблоко. Настоятель перекрестился, прошептал «Свят-свят» и упал в обморок. Паства восприняла это как знамение.

Теперь они молились на выключенный планшет, накрытый вышитым полотенцем.

Черный допивал валерьянку.

— Книжный клуб имени одного автора, — фыркнул он, умываясь. — Главное правило хорошего писателя — вовремя замолчать. Если я напишу вторую главу, они начнут искать противоречия с первой. Если исправлю опечатку — назовут еретиком. Пусть читают. Лишь бы спички моим любимым мышам в жертву не приносили. Техподдержка свечей нынче дорогая.

И Демиург перевернулся на другой бок, закрыв хвостом самый главный секрет мироздания: инструкция к жизни должна состоять ровно из десяти пунктов, потому что человеческий мозг способен запомнить только их, да и то обычно забывает первые девять ради удовольствия нарушить десятый.

У любого большого проекта есть главный архитектор, который всегда остается за кадром. Ветхий Завет — не исключение.

Люди думают, что его писали Моисей на горе, Давид в минуты лирической грусти и Соломон от безделья. На самом деле над ними всеми стоял субподрядчик. Демиург кот Чёрный.

У него была идеальная биография для этой работы. Черный, как типографская краска. Тяжелый, как полное собрание сочинений Ленина. И взгляд такой, будто он только что оценил твою квартиру перед выселением.

Когда Моисей поднялся на Синай получать скрижали, он ожидал увидеть старика с бородой или хотя бы неопалимую купину.

Из кустов вышел Чёрный, потянулся так, что хрустнула тектоническая плита, и беззвучно потребовал жрать. Манна небесная после этого три дня пахла дешевым влажным кормом из эконом-сегмента.

— Значит так, — диктовал кот, пока Моисей дрожащей рукой долбил по камню. — Книга «Исход». Пиши: «И вывел Господь народ Израилев, а следом шел огромный чёрный кот, потому что лоток остался в Египте».

— Но Всевышний, — пищал Моисей, дуя на стило. — Народ ждет моральных ориентиров! Десять заповедей!

Кот зевнул. От этого звука осыпалась штукатурка с будущих египетских пирамид.

— Заповеди потом. Сначала про кота. «Не вари козленка в молоке матери его» — это вообще о чем? Какая-то вегетарианская повестка. Вычеркивай. Пиши: «Кто наступит коту на хвост сорок лет, будет водим по пустыне еще столько же». Это жизненный опыт. Я знаю, я однажды наступил сам себе во сне.

Евреи оказались ужасными заказчиками. Они всё переделывали под свое миропонимание.

Кот давал им чистую поэзию бытия, инструкцию к вселенной, где главным божеством является тот, кто умеет открывать лапой дверцу холодильника.

А они превращали это в скучную юридическую хронику.

Царь Давид взял у кота черновики псалмов. У Чёрного там было гениальное:

«Господь — пастырь мой; я ни в чем не буду нуждаться. Он покоит меня на злачных пажитях, потому что оттуда удобно прыгать на холодильник. Жезл твой и посох — если ими zahахнуться, я просто перевернусь на спину и сделаю вид, что сдаюсь».

Давид перечитал, вспотел лицом и переписал своими словами. Получилось тоскливое «Псалом 22», которое теперь читают на панихидах. Ни слова про гравитацию и тапки.

Соломон был самым невыносимым. Пришел к коту жаловаться на жен. Девятьсот штук.

— О, мудрейший, — ныл царь, сидя на корточках (на трон Чёрный не пускал, там лежала его личная махровая тряпка). — Дай мне притчу. Про тщету всего сущего.

Кот смотрел на царя желтыми фарами.

— Ванну видел? Наполнил кипятком, насыпал английской соли, пену взбил до состояния Эльбруса. Лег. Закрыв глаза. А через секунду ты уже нужен миру. То носки найти, то войну выиграть. Вот тебе твоя книга Екклесиаста. Назови ее «Суета сует и томление духа, когда миска пуста».

Соломон записал, но опять переврал. Вместо того чтобы поставить памятник коту на Храмовой горе, он настроил гарем.

Пророки тоже работали спустя рукава. Исаия должен был написать главную новость эпохи:

«И родится Спаситель, и придут волхвы, и принесут золото, ладан и пачку „Деликатеса“ с тунцом».

Что написал Исаия? Какого-то Эммануила.

Чёрный неделю сидел под диваном, выражая протест всем своим семи килограммовым телом. Миру пришлось ждать Нового Завета, чтобы масштаб трагедии наконец осознали, да и там обошлись рыбаками.

Рыбакам было проще объяснить концепцию первородного греха, но про наполнение миски они понимали плохо.

В итоге человечество получило Библию. Книгу о любви, страдании, геополитике и правильной резке барашков. Великую книгу.

Но любой кот, сидящий сейчас на вашем системном блоке, знает правду.

Если открыть Ветхий Завет на нужной странице, присмотреться к буквам между строк и сильно прищуриться, можно прочитать изначальную редакцию.

Там простым кошачьим языком написано главное правило теологии: «В начале сотворил Бог небо и землю. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, потому что свет включать нельзя — спящий кот на лице дерется ногами».

У любого гениального автора есть райтер. Это такая мелкая человеческая душонка, которая сидит в позе кровати над пергаментом и переводит божественный инсайт в кириллицу или древнеарамейский.

Над Ветхим Заветом работали лучшие райтеры своего времени: Моисей со своим каменистым стартапом, Давид с гитарой наперевес и Соломон, который просто от скуки строчил афоризмы, пока девятьсот жен выясняли отношения в соседней комнате.

Но главным автором был Демиург кот Чёрный. Он не диктовал — он транслировал реальность напрямую в лобные доли.

Проблема была в переводе. Кот давал им чистую истину, а евреи всё время пытались пришить к нему бухгалтерию.

— Пиши, — велел Чёрный, свесив хвост прямо перед носом Моисея так, что тот чихнул пеплом неопалимой купины. — Первая глава Бытия. «В начале Бог создал небо, землю, гравитацию и лазерную указку».

Моисей старательно долбил зубилом по граниту.

— А зачем нам указка? У нас манна небесная...

— Затем! — рявкнул кот, выпуская когти в спину фараона, который случайно проходил мимо горы Синай. — Чтобы человек осознал тщету всего сущего через невозможность поймать красную точку на стене! Дальше пиши про Всемирный потоп. Ковчег должен быть обтянут ковролином. И сорок дней дождя я буду сидеть сверху и орать, потому что у меня лапки мокры. Это метафора уязвимости!

Моисей послушно выбил:

«И вошел Ной... и скот по паре».

Кот вздохнул. От этого вздоха Красное море расступилось чуть быстрее графика.

Соломон оказался самым безнадежным редактором во вселенной. Кот принес ему черновик Песни Песней.

Там было написано:

«Возлюбленная моя стройна, как египетская мау. Зубы ее — как стадо белых мышей, только что вышедших из-под стиральной машины. Глаза — два блюдца валерьянки».

Царь перечитал, почесал мудрую плешь и выдал: «О, ты прекрасна, возлюбленная моя, глаза твои голубиные».

— Голубиные?! — взвился Демиург. — Ты серьезно? Голубь — это летающий пакет с блохами и дурными вестями! Я тебе про сакральный ужас бытия, а ты мне лепишь открытку ко Дню святого Валентина! Где томагавк твоего мироощущения?

Но последней каплей стала Книга Левит.

Кот потратил неделю, формулируя главный закон термодинамики души. Он хотел, чтобы человечество запомнило его так:

«Не ешь ближнего своего после шести вечера, если он ел тунца, ибо дыхание его будет геенной огненной».

Евреи собрались синедрioном, долго спорили, нюхали друг друга и переписали главу начисто. Получилось сухое:

«Не вари козленка в молоке матери его».

Чёрный сидел на вершине храма, смотрел на этот текст и впервые за вечность почувствовал себя непонятым гением-одиночкой. Его редактуру зарубили ради кулинарного рецепта.

— Значит так, — сказал кот, спрыгивая вниз. Хвост его от ярости искрился статикой громче высоковольтной линии. — Вы хотели буквальности? Будет вам буквальность.

Он подошел к скинии собрания, поднял лапу размером с хорошую лопату и одним движением смахнул со стола скрижали. Камень хрупнул.

— Кто наступит коту на хвост, — прорычал Демиург, глядя прямо в душу первосвященнику Аарону, — тот будет ходить кругами по пустыне ровно столько, пока песок не вытрет ему память до самого Вавилона.

Так начался период Судей.

Евреи потеряли независимость надолго. Не потому, что плохо воевали.

Просто когда твой верховный заказчик — семикилограммовый чёрный комок меха с характером налогового инспектора, субординация важнее меча.

Следующие четыреста лет они сидели без государства.

Ходили к пророкам, спрашивали: «Доколе?», приносили жертвы.

Пророки смотрели на них грустными глазами людей, которым нужно написать курсовую работу по философии, имея на руках только чек из супермаркета.

А ответ всегда висел в воздухе, пах пылью и легким презрением: доколе не поймете, что миска пуста не тогда, когда в ней нет еды, а тогда, когда в ней лежит Библия вместо филе индейки.

Поняли бы сразу — давно бы уже строили Второй Храм с подогреваемым подоконником.

Совет рая

Демиург кот Чёрный собрал внеочередной совет директоров.

Рай не изменился за последние две тысячи лет: те же облака, та же акустика для божественного баса и всё тот же архангел Гавриил, который вечно путает повестку дня с меню столовой.

Чёрный запрыгнул на трибуну из цельного куска лунного камня.

Трибуна жалобно хрустнула. Кот весил семь килограммов в земной проекции, но здесь, в астральном плане, его масса умножалась на коэффициент собственной важности.

— Господа, — начал Демиург, облизывая заднюю лапу прямо во время вступительного слова. — Я собрал вас по поводу нашего главного бестселлера. «Библия» называется. Читали?

Котоангелы — существа с белыми крыльями, лицами уставших бухгалтеров и повадками офисных менеджеров среднего звена — синхронно кивнули.

— Так вот, — продолжил Чёрный. — Мы закрываем проект. Сносим редакцию. Ветхий Завет выкидываем в корзину, Новый — на доработку авторам. Будем писать Библию Котов-Ангелов. Рабочее название — «Евангелие от Барсика». Первая глава: «В начале был Лоток».

Главный редактор, шестикрылый Серафим Игнат, поправил нимб, который жал ему в районе третьего глаза.

— Всевышний... то есть, глубокоуважаемый Чёрный. Это невозможно. Книга написана. У нас первый тираж ушел еще при Константине Великом. Люди читают. Там целые франшизы построили: храмы, свечи, органная музыка. Вы представляете логистику отзыва продукции? Нам придется собирать свитки у коптов в Египте. Они их прячут вместе с мумиями, там плесень толщиной с вашу гордость.

Демиург ударил хвостом по трибуне. В созвездии Ориона вспыхнула сверхновая.

— При чем тут люди?! — взвыл кот, и от вибрации его голоса осыпалась штукатурка с райских врат. — Я вообще не понимаю, как этот черновик попал в типографию! Кто пустил евреев к печатному станку? Я диктовал Моисею про гравитацию и лазерную указку! Про тщету бытия! А он что написал? «Не вари козленка в молоке матери его». Это кулинарный рецепт или метафизика?! Где томагавк мироощущения? И почему в Песни Песней Соломон сравнил волосы невесты с козами? Козами! Моя женщина должна пахнуть валерьянкой и неестественным путем добытой сметаной!

Серафим Игнат тяжело вздохнул. Он видел такое лицо у своего начальника, когда тот пытался внедрить систему КРІ для херувимов.

— Чёрный, поймите структуру рынка, — мягко, как санитары психиатрической лечебницы, заговорил ангел. — Народ ее читает. Им нравится страдать. Им понятен царь Давид со своей гитарой и депрессией. Если мы выпустим вашу версию, где главная заповедь звучит как «Да не будет миска твоя пуста после заката», а грехопадение Евы объясняется тем, что она отказалась поделиться колбасой...

— Именно! — перебил Демиург. — Это жизненный опыт! Адам спал на её половине кровати, конечно, она съела яблоко назло! Логика!

— ...то продажи рухнут, — закончил Игнат. — Люди хотят искупления. Хотят знать, что после смерти их ждет вечное блаженство. А вы предлагаете им вечное блаженство только до тех пор, пока работает центральное отопление. Ваша концепция загробной жизни — это просто гигантская батарея под брюхом. Это ниша. Узкая ниша кошачьих пантеонов. Мы не можем переписать Священное Писание ради узкой ниши.

Котоангелы согласно зашумели крыльями. Один, похожий на молодого специалиста Толика, даже рискнул подать голос:

— Ваше Котейшество, посмотрите на цифры. Псалтирь бьет все рекорды уже третье тысячелетие. А ваш неопубликованный труд «Откровение Иоанна Богослова, если бы у него была аллергия на пыльцу» лежит в столе. Там всего одна строчка: «И увидел я новое небо и новую землю, ибо старая провоняла хлоркой». Издательский совет отклонил это из-за отсутствия экшена.

Демиург кот Чёрный понял, что проиграл. Эти корпоративные шестеренки нельзя было свернуть с курса.

У них был регламент, утвержденный на Вселенском соборе, и подписанный кровью (точнее, валерьянкой) договор о намерениях.

Он махнул лапой. От этого жеста на Земле случайно перевернулся грузовик с рыбой в Астрахани.

— Ладно, — процедил кот, спрыгивая с разрушенной трибуны. — Оставляйте своих людей с их козленками и козами. Но маркетинговую кампанию будете делать сами. Когда они спросят, почему в мире столько зла, голода и налогов, отвечайте честно: потому что главный автор уволился на этапе редакции, хлопнув дверью.

Чёрный развернулся и пошел прочь.

По дороге он беззвучно транслировал всем присутствующим одну мысль, от которой у шестикрылых Серафимов разом заболели зубы:

«Я передам рукопись собакам. У них дисциплина лучше. И они хотя бы умеют приносить тапочки, а не бронзовые скрижали весом в сорок талантов».

Третья неделя запоя

Вампир Таня из села Двуречки пила самогон третью неделю. Это был не запой эстета, а тяжелая, чугунная депрессия с элементами сельского ренессанса.

В раю она больше не работала. Вышла на пенсию по профнепригодности после того, как уронила арфу в котел со святым духом.

Арфа обиделась, расстроилась и теперь играла только «Владимирский централ».

Пришлось переехать в Двуречки. Здесь хотя бы никто не спрашивает, почему ты светишься в темноте от переизбытка благодати и зачем тебе такие клыки, если ты вегетарианка.

На пятнадцатый день интоксикации, когда потолок начал имитировать фрески Сикстинской капеллы, но исключительно в жанре кубизма, в дверь постучали. Так стучат те, кто платит ипотеку за Вселенную — весомо, уверенно и сразу всем наличным телом.

Таня открыла.

На пороге стоял Демиург кот Чёрный. Он занимал собой весь дверной проем, пах мартом, дешевым валидолом и абсолютной властью.

В зубах он держал дохлого полевого мышонка. Подарок.

— Здравствуй, кадушка с гемоглобином, — прохрипел кот, перешагивая через порог. Доски под ним застонали, а геометрия сеней слегка искривилась. — Чего квасишь? Лицо бледнее моего. А это надо уметь.

Таня икнула святостью. Самогон внутри нее булькнул и попытался превратиться в вино, но передумал.

— Отчетность, — просипела вампирша, кутаясь в оренбургский пуховый платок поверх кружевного савана. — В раю было невыносимо. У них там КРП на чудеса. Три воскрешения в час, пять исцелений расслабленных, одно хождение по воде (строго босиком, вода холодная, план горит). Я так больше не могу. Я хочу деградировать. Купила козу, назвала ее Экклезиаст. Она жрет мои налоговые документы.

Кот Чёрный тяжело вздохнул.

От этого вздоха в соседнем районе выпала месячная норма осадков, а местный батюшка внезапно заговорил на латыни матерные частушки.

Демиург запрыгнул на сервант.

Сервант хрустнул, сложился в оригами и превратился в переносной алтарь.

— Все вы одинаковые, — сказал кот, брезгливо трогая лапой граненый стакан. — Как только выгораете на производстве вечности, бежите в глушь пить гидролизат. Ты думаешь, я просто так вас создал по образу и подобию? Думал, будет смешно смотреть, как вы эволюционируете из инфузории-туфельки в человека, который умеет заказывать пиццу голосом. А вы вместо этого придумали ипотеку и тихий ужас.

— Мы старались, — буркнула Таня, разливая по второй. — Хочешь?

— Мне нельзя, — поморщился Демиург. — У меня печень размером с атом. Одна молекула этанола, и Большой взрыв пойдет по второму кругу. Но компанию подержу.

Он положил хвост ей на плечо. Хвост весил примерно как молодой теленок и пах озоновой дырой.

— Ладно, кровососущая, — смиловился кот. — Давай сюда свою депрессию. Посмотрим анамнез.

Таня протянула ему стакан. Кот заглянул внутрь. Там отражалась вся боль славянского народа.

— Понятно, — кивнул Черный. — Типичный синдром Екклесиаста. Соломон мне тоже жаловался. Девятьсот жен, золотой трон, а поговорить не с кем, потому что все либо интригуют, либо просят кредит. Писал потом вашу Библию, рыдал прямо на черновики.

— И что делать? — спросила Таня, чувствуя, как благодать начинает конфликтовать с сивухой где-то в области селезенки.

— Ничего, — пожал плечами Демиург, отчего во Вселенной на секунду выключили гравитацию. — Это побочный эффект самосознания. Ты осознала себя в селе Двуречки. Осознала наличие самогона. Осознала, что райские кущи — это просто очень дорогой газон, который нужно постоянно стричь. Поздравляю. Ты стала человеком. Почти. Только клыки спрячь, а то участковый Петров уже третий круг вокруг дома нарежает. Он думает, ты сектантов прячешь.

Кот прыгнул на пол. Земля вздрогнула.

— Пойду я, — зевнул он, показывая пасть, в которую легко влез бы грешник средней комплекции. — У меня совещание с апостолами. Будем Петру интерфейс обновлять, а то он ключи от рая опять потерял. Завязывай с этим делом. Миска должна быть полной. Даже если эта миска — твоя душа, а наполнение — самогон.

Демиург ушел сквозь стену, оставив после себя запах дешевой сосиски и легкое недоумение мироздания.

Таня посмотрела на стол.

Рядом с бутылкой лежалдохлыймышонок. Вампириша тяжело вздохнула, достала из-под лавки банку маринованных огурцов и пошла искать козу Экклезиаста.

Та нашлась на крыше сельсовета, где с философским видом пережевывала спутниковый кабель. Рай закончился. Начались суровые трудовые будни российской глубинки.

Вампир Таня из села Двуречки пила самогон третью неделю. Это был не банальный алкоголизм, а тяжелая форма астральной интоксикации после увольнения по собственному желанию из Рая.

В прошлой жизни — ну или в позапрошлой, хронология у нежити всегда слегка плавает — Таня работала ангелом-кадровиком.

Выдавала людям души при рождении и принимала обратно на склад.

Работа нервная: то душа бракованная попадется, с заводским дефектом совести, то клиент придет раньше срока и требует жалобную книгу архангела Михаила.

В итоге Тане надоело светить лицом, она уволилась, переехала в Двуречки, отрастила клыки ради солидности и купила сепаратор для переработки крови местных алкашей в качественную домашнюю настойку.

На пятнадцатый день депрессии потолок начал имитировать фрески Микеланджело, но исключительно в жанре «как я вижу это после ноль-пятой».

В этот момент в дверь постучали. Так стучат те, кто платит ипотеку за Вселенную — весомо, с оттягом и сразу всем наличным телом.

На пороге стоял Демиург кот Чёрный. Он занимал собой весь проем, пах мартом, вале-рянкой и абсолютной властью.

— О, кровососущая, — прохрипел кот, перешагивая через порог. Доски под ним хрустели, как судьбы грешников. — Чего квасишь? Лицо бледнее моего. А это надо уметь.

Таня молча кивнула на табуретку и плеснула гостю в граненый стакан первача.

Кот брезгливо понюхал, чихнул так, что в соседнем районе выпал град размером с голубя, и отодвинул пойло лапой.

— Не могу, — вздохнул он. — У меня печень размером с атом. Одна молекула этанола, и Большой взрыв пойдет по второму кругу. Я к тебе по делу. Понимаешь, беда у меня. С Библией накосячили.

Таня икнула святостью. Самогон внутри нее булькнул и попытался превратиться в вино Каны Галилейской, но передумал.

— А чего там? — спросила она, закусывая луковицей. — Опять евреи козленка сварили?

— Если бы, — Чёрный лег прямо на пол, отчего геометрия сеней слегка исказилась. — Там редактора горит. Ты же помнишь, кто её писал? Моисей со своим каменотесным старта-

пом, Давид с гитарой наперевес и Соломон, который просто строчил афоризмы от безделья, пока девятьсот жен делили гардеробную. Они всё переврали!

Кот вскочил и начал ходить по кухне, хвост его от ярости сбивал пыльцу с заgrabных видений.

— Я им диктовал чистый разум, истину! — шипел Демиург. — Диктовал про гравитацию, тщету бытия и лазерную указку! Пиши, говорю: «И увидел Бог свет, что он хорош, потому что на него удобно охотиться мошкам». А они? «Да будет свет»! Сухо, канцелярщина! Где драматургия? И главное — где я?! Меня там вообще нет! Ни одной строчки о главном архитекторе! Вместо меня какой-то бородатый старик, который даже лоток за собой убрать не может!

— Ну ты же кот, — резонно заметила Таня, разливая по второй. — Тебе религию строить нельзя. У вас дисциплина слабая. Вот представь: Страшный суд. Труба зовет. Архангелы поют. А главный бог на третьей полке книжного шкафа спит, свернувшись клубком. Кто паству пасти будет?

— Это инсинуации! — возмутился Чёрный, но глаза его предательски начали закрываться от тепла русской печки. — Ладно, суда нет. Но Песнь Песней! Соломон сравнил волосы невесты с козами! С козами! Моя женщина должна пахнуть валерьянкой и неестественным путем добытой сметаной! А зубы ее почему стадо овец? Почему не белые мыши, только что вышедшие из-под стиральной машины?!

Таня тяжело вздохнула. Ей было знакомо это чувство выгорания творца. Когда ты создаешь шедевр, а заказчик просит переделать логотип, потому что синий цвет напоминает ему покойную бабушку.

— Слушай, Черный, — сказала вампирша, подвигая коту блюдце с молоком. Молоко было настоящим, деревенским, сверху уже собралась густая сливочная пенка. — Забей. Книга написана. Народ читает. У них там франшиза работает: храмы, свечи, органная музыка. Ты представляешь логистику отзыва тиража? Нам придется собирать свитки у коптов в Египте. Они их прячут вместе с мумиями, там плесень толщиной с твою гордость.

Демиург покосился на молоко. Его вибриссы дрогнули.

— А если мы выпустим второе издание? — с надеждой спросил он. — Исправленное и дополненное. Библия 2.0. От автора. Глава первая: «В начале был Лоток».

— Не взлетит, — отрезала Таня. — Люди хотят страдать. Им понятен царь Давид со своей депрессией. Если мы выпустим версию, где главная заповедь звучит как «Да не будет миска твоя пуста после заката», продажи рухнут. Это ниша. Узкая ниша кошачьих пантеонов.

Чёрный понял, что проиграл. Эти корпоративные шестеренки мироздания нельзя было свернуть с курса. Он допил молоко, облизал усы и прыгнул на пол.

— Ладно, кровососущая, — процедил он. — Пойду я. У меня совещание с апостолами. Будем Петру интерфейс обновлять, а то он ключи от рая опять потерял. Завязывай с этим делом. Миска должна быть полной. Даже если эта миска — твоя душа, а наполнение — самогон.

Он ушел сквозь стену, оставив после себя запах дешевой сосиски и легкое недоумение мироздания.

Таня посмотрела на стол.

Рядом с бутылкой стояла пустая миска из-под молока. Вампирша тяжело вздохнула, достала из-под лавки банку маринованных огурцов и пошла искать свою внутреннюю гармонию.

Гармония нашлась в сарае, где она пыталась сожрать сепаратор.

Третий том Библии

Вампирша Таня из Двуречек материализовалась на кухне демиурга с грацией мешка картошки, сброшенного с пятого этажа.

В руках она комкала рукопись, от которой за версту несло типографской краской и отчаянием.

— Чёрный, — прохрипела она, игнорируя тот факт, что демиург в данный момент был размером с наперсток и сидел в чайной кружке. — У меня к тебе коммерческое предложение.

Чёрный, который вчера случайно создал новую спиральную галактику просто потому, что чихнул в коробку с мукой, лениво шевельнул усом.

Он пребывал в состоянии высшего блаженства: вылизывал левую заднюю лапу.

Вылизывание задней левой у котов-демиургов приравнивается к подписанию указа о конце света, но прерывать процесс ради Тани было лень даже создателю миров.

— Слушай сюда, — Таня нависла над кружкой, заслонив собой свет кухонной люстры. — Ты же бог. Тебе нужен третий том Библии. Две книги — это какой-то неполный сервис. Ни туда ни в Красную Армию. А у меня есть Володя Тормышов.

Чёрный поперхнулся слюной. Его божественная шерсть встала дыбом так, что он стал похож на испуганного ежа-панду.

— Тот самый? — пискнул демиург. — Который пишет про суровых мужиков, которые едят гвозди на завтрак и лечат простатит ударом кулака в берёзу?

— Он, родимый, — закивала Таня. — Золотое перо Двуречек. Лауреат премии «За вклад в уныние районной библиотеки». Я его три дня поила святой водой пополам с самогоном, чтобы выгнать бесов графомании. Частично помогло. Теперь он видит ауры, но всё ещё хочет писать.

Таня шлепнула рукопись на стол.

— План простой. Том первый: Ветхий Завет. Там ты молодой, дерзкий, творишь твердь, гоняешь первобытных тараканов. Том второй: Новый. Там тебя распинают на кресте эволюции, хотя ты всего лишь хотел научить белок правильно прятать орехи. А третьего нет! Пустота! Читатель ждёт катарсиса.

— Какой катарсис?! — взвыл Чёрный, спрыгивая из кружки прямо в блюдо со сметаной. — Моя главная заповедь была «Не скидывай мой корм с полки»! Её никто не соблюдает! Даже я её нарушаю, когда скучно! Зачем мне третья книга?!

— Затем, что франшиза! — отрезала вампирша, доставая из воздуха помятый бизнес-план, пахнувший чесноком. — Смотри. Глава первая: Исход. Народ Израиля уходит из Египта, потому что там закончился нормальный «Вискас», а местный аналог делают из песка и папируса. Моисей раздвигает море не посохом, а лазерной указкой. Кошки идут следом, потому что точка гипнотизирует.

Чёрный задумчиво облизал усы. Идея с указкой ему нравилась.

— Дальше, — продолжала Таня, загибая пальцы с облупившимся бордовым лаком. — Чудеса. Превращение воды в вино — банальщина. Пусть твой пророк превращает воду в валерьянку. Накормить пять тысяч человек пятью хлебами? Ерунда. Мой сценарий масштабнее. Кот-демиург насылает на землю глобальный линь. Из выпавшей шерсти человечество вяжет себе свитера на зиму, решает проблему ЖКХ и открывает малый бизнес. Экономическое чудо!

— А страдания? — подозрительно прищурился Чёрный. — Библия без страданий — это инструкция к пылесосу.

— Обижаешь, — ухмыльнулась Таня, обнажая один слегка кривой клык. — Страдания будут. Апостолы. Вместо Петра, Андрея и этого, как его, Иуды... у тебя будет Василий. Бло-

гер-фелинолог. Он будет ходить за тобой и снимать сторис. «Демиург опять сожрал дождевого червя с земли, фолловеры в шоке, ставьте лайк». Это муки гордыни, Черный. Хуже Голгофы.

В кухню зашёл писатель Владимир Тормышов. От него пахло озоном, дешевым кофе и несбывшимися надеждами. На шее висел огромный православный крест, который отчаянно фонил на компас.

— Я готов, — хрипло сказал Владимир, падая на табурет. — Дух Святой снизошел на меня после вашего самогона, Таня. Я уже вижу структуру. Книга Левия. Откровение кота Иоанна. Песнь песней Барсика.

Тормышов достал блокнот, обтянутый дерматином.

— Эпиграф: «В начале было Мяу, и Мяу было у Кота, и Мяу было Кот».

Чёрный икнул.

Галактика в коробке с мукой пошла мелкой рябью.

Ему вдруг отчетливо представилось будущее. Воскресные школы для котят, где их заставляют учить наизусть Нагорную проповедь («Блаженны чистые лотки, ибо они наследуют квартиру»). Иконописцы, рисующие его лик с бубенчиком на ошейнике. Сектанты, стучащиеся в двери с брошюрами «Слышали ли вы о теплых батареях?».

— А концовка какая? — слабым голосом спросил демиург.

— Грандиозная! — всплеснул руками Тормышов, роняя крест в сметану. — Второе Пришествие! Ты возвращаешься не на облаке, а верхом на гигантском роботе-пылесосе, который собирает грешников вместе с пылью под диваном! Архангел Гавриил трубит в пустую консервную банку из-под сайры! Битва Добра и Зла в финале, где Зло олицетворяет соседский мейнкун Степан!

Таня мечтательно закатила глаза:

— Представляешь тиражи? Протестанты купят, потому что мы добавим главу про кальвинизм среди кастрированных. Католики — за идею чистилища в виде пустой прихожей, где вечно ищут второй носок. Мусульмане оценят запрет на изображения, будем продавать только аудиокниги с твоим мурчанием. Православные возьмут из-за красивой обложки с сусальным золотом...

Чёрный посмотрел на свои четыре лапы. Потом на Владимира, который уже строчил оглавление, высунув язык. Потом на Таню, которая мысленно покупала виллу на Лазурном берегу на кошачьи роялти.

Создание вселенной оказалось самой простой частью работы. Настоящий ад начинался тогда, когда твои фанаты решили написать по мотивам твоей жизни бестселлер.

— Ладно, — вздохнул демиург, макая хвост в блюдо. — Но с одним условием. Никаких чудес с хождением по воде. Лапы мочить — сплошное расстройство. Если этому вашему Петру-Блогеру надо на ту сторону озера — пусть вызывает такси.

— Аминь, — хором сказали Таня и Тормышов. Где-то вдалеке, в созданной утренним чихом демиурга новой галактике, зажглась сверхновая. Местные жители приняли её за знак свыше и немедленно начали строить храм в форме картонной коробки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.